

Пригоршня вечности

Автор:

Людмила Астахова

Пригоршня вечности

Людмила Викторовна Астахова

Знающий не говорит #4

Час пробил, и пробил для всех! Для Ириена и Джасс, для лангеров и чародеев, для людей и эльфов, для королей и шпионов. Стоит ли жизнь одной-единственной женщины равновесия целого мира? Чем придется пожертвовать ради Любви? Сможет ли Альс поставить все на карту и пройти по острию меча? Стоит... Всем... Сможет... Почему? Потому что он – Последний Познаватель, и потому что Истинная Любовь не умирает. Все запомнили?!

Людмила Астахова

Пригоршня вечности

Глава 1

КОРОЛЬ, КОЛДУН, БОЛТУН И ДВА ШПИОНА

Час еще не пробил, но жареным уже пахнет!

Весна 1695 года

По ночам Каннелой – Красный замок, резиденция игергардских королей, живет особенной жизнью, отличной от дневной так же, как день отличается от ночи. Ночью он напоминает одновременно осажденную крепость, бордель и лечебницу для умалишенных. Стучат подкованными каблуками стражники, охраняющие личные покои короля и вдовствующей королевы, стонут в объятиях любовников фрейлины, изображающие неземную страсть, бродят очумелые от усталости слуги. С непривычки тут не заснешь без бутылки вина или чашки с сонным отваром. По коридорам гуляют пронзительные сквозняки, которые в самую жаркую пору середины лета способны свалить человека в постель с воспалением легких. Каннелой перестраивался столько раз, что стал похож на муравейник, наполненный бесчисленными нишами, лестницами, потайными ходами, галереями, тупиками и темными закоулками. Новичок без надежного провожатого рискует безнадежно заблудиться в хитросплетении залов, кабинетов и каморок. Такое случалось не раз и не два, особенно с пажам и молоденькими белошвейками.

Порой стоит только свернуть из сверкающего тысячами свечей коридора, заглядевшись на прекрасную незнакомку в шелковой маске, и очутишься в странном закоулке, затянутом столетней паутиной. В роскошном зале с парчовыми драпировками и мозаичными полами идет пышный прием заморского посла, а за стеной, в вечных сумерках заброшенных комнат, в тишине и полном забвении медленно умирают старинные гобелены и картины, пылятся статуи, полчища моли пируют на позабытых гардеробах покойных королей и принцесс.

В свете дня никто не замечает паутины на позолоте, тления бархатных штор, проплешин на редчайших коврах. А ночью... Ночью по узким и широким лестницам Каннелоя в обнимку ходят пьяная удадь и расчетливая смерть, тайное бесчестье и показная отвага. Меж тихими покоями пестрыми птицами порхают любовные стишки, доносы и послания анонимных «доброжелателей». И тоненькие ручейки чеканного золота и серебра перетекают из одного кармана в другой, вливаясь в неиссякаемый океан подкупов, долгов, взяток и авансов.

По сути дела, огромный многоярусный дворец всемогущих властителей самого большого королевства обитаемого мира никогда не спит. Он притворяется спящим, как могучий хищник, изображающий сладкую дрему в гуще трав, среди которых пасется тучное стадо антилоп. И обитатели этого дворца тоже не

рискует безмятежно почивать в самый глухой час ночи. Так, дремлют одним глазом, не забывая другим, полуприкрытым, оглядываться кругом, отмечая самые незначительные изменения в окружении, способные повлиять на их существование и, самое главное, положение. Если кто-то наивно полагает, что человеку, сидящему на троне в алмазном венце, неведомы бессонные ночи, тот глубоко и опасно заблуждается. Он-то как раз и есть самый бдительный страж, самый внимательный наблюдатель, ибо власть его, в отличие от сказочных сокровищ драконов, нуждается в неусыпном внимании.

Алмазный венец давит на виски, от долгого сидения в холодном тронном зале ломит поясницу, и прелести придворных красавиц надоели до рези в глазах. Вот и не спит его величество Хальдар Игергардский, далекий потомок королевы Ильмани. Не греет его теплый бок королевы, не влечет сочное и юное тело Последнего Увлечения. Тем более что Увлечение терпеливо ждет в своей широкой кровати, когда повелитель возжаждет вкусить сокровенных тайн. Хотя для Хальдара с тринадцати лет не существует никаких тайн, ни сокровенных, ни откровенных, и стоит ему только пожелать... Чего ж пожелать-то? Вот именно! Оттого и вертится его величество на атласах и лебяжьем пуху, что все желания исполнены. Исконный враг королевства – злополучный Оньгъен зализывает раны, недавний заговор успешно раскрыт и головы заговорщиков венчают собой пики на стенах замка, супружеский долг успешно исполнен при взаимном удовольствии высоких сторон, что, возможно, приведет к пополнению и без того изрядного количества наследников. А следовательно, за судьбы династии переживать нет необходимости. И все равно сон не идет, хоть убейся. Навязчивая мысль, будто злая весенняя муха, вьется внутри черепа. А еще говорят, что утро вечера мудренее. Ничего подобного. Ночь – вот царица всех раздумий.

И, не в силах более оставаться в постели, его величество откидывает расшитый серебряными корабликами полог и осторожно ищет среди густого ворса ковра домашние туфли, шепча при этом себе под нос такие словеса, которых постеснялся бы и старый подметальщик из пригорода Орфиранга. Коварный сквозняк бессовестно хватает короля за ляжки, забираясь под ночную сорочку, и стеганый халат с меховой оторочкой не преграда его ледяным пальцам. Впрочем, королю есть чем похвалиться. Фигура у него прекрасная, без малейшего намека на жирное пузо. На диво строен игергардский владыка, подтянут и мускулист, словно юноша, чего об остальных монархах не скажешь. Кулинарное изобилие и пренебрежение воинскими упражнениями обычно быстро превращают венценосных особ в подобие откормленных на убой свиней с пятью подбородками и объемистыми животами.

Но его величество уже не замечает таких мелочей, как сквозняки, перекошенные рожи личных телохранителей, шелест заспанных голосов и плотные облака перегара, витающие в приемной. Пусть утром придворные ломают себе головы над ночными прогулками монарха, пусть строят всевозможные догадки, пусть, в конце концов, подумают о чем-то кроме взаимных пакостей. В одном лишь уверен Хальдар Игергардский: ни одно из слов, которые он скажет в темном будуаре, не дойдет до посторонних ушей, ибо во всем мире только обитательнице этого будуара он может всецело доверить свои мысли. Среди всевозможных невзгод и треволнений царствования, среди толп льстецов, лжецов, предателей, недоброжелателей и откровенных завистников, продажной любви и фальшивой дружбы у короля остался единственный островок безопасности – его мать.

Разумеется, вдовствующая королева Миариль полуночничает наедине с книгой, предпочитая гнусавому чтению фрейлин собственные зоркие глаза медового цвета. Сидящая в высоких подушках женщина с седыми косами вот уже почти столетия воплощает собой королевское достоинство, и в каждом ее тоненьком пальчике, к которым почтительно прикасаются губы Хальдара, больше величия, чем в дюжине иных королей. Она еще не стара, а в полумраке будуара выглядит ровесницей собственного сына. Но старость уже подкралась к ней, уже истончила кожу на шее и добавила сеточку мелких морщинок под глазами. И пусть разливаются в приторной лести сладкоголосые придворные кавалеры, перед самой собой королева Миариль всегда честна и беспристрастна.

– Что ты читаешь? Неужели снова «Плоды обмана»?

– А почему бы и нет? Поверь мне, старые дипломаты знали толк в высокой политике.

Голос у вдовствующей королевы, как нежная флейта в осеннем саду. Нынешние высокородные леди пищат и чирикают, как сорные птицы. Она закрывает книгу, чье название гласит: «Легенды и предания в переложении на современный язык». Вот, значит, как?!

– Меня тревожит поведение Тианды, – говорит король, присаживаясь на низкий стульчик возле кровати матери.

Меньше всего он в этот миг напоминает самого могущественного монарха континента. Просто уставший от забот мужчина средних лет, чей высокий лоб бороздят глубокими морщинами все новые и новые тревоги. Короли они ведь тоже люди.

- Ты меня радуешь, Дэрри. Это с первого взгляда Тианда кажется бестолковой теткой, помешанной на собственной внешности. Однако амбиции у нее обратно пропорциональны низкорослости. Я убеждена, эта неблагодарная девчонка доставит нам немало неприятностей.

- Ты советуешь доверять словам оллавернского легата, матушка?

- А разве его утверждения не подкрепляются докладами нашего посла в Яттмуре и сведениями Далмэди? Да и не в интересах Хозяина Сфер обманывать Игергард. Хотя...

Миариль делает многозначительную паузу, одну из тех, на которые она всегда была большая мастерица. Пушистый кончик косы кружится вокруг красивых губ. Ни дать ни взять молоденькая принцесса-кокетка.

- Хотя?..

Выдержав положенное время, королева продолжает, как ни в чем не бывало:

- Оллавернские магистры никогда не делают ничего просто так. И на этот раз, по моему скромному разумению, они стравливают между собой всех, кого только можно сравнить. Тебя и Тианду, жрецов Старых богов и адептов Церкви. Скоро все земли от Вейсского моря до склонов Ши-о-Натай будут похожи на кипящий котел с плотно закрытой крышкой.

- Скоро?

- Будущим летом. В крайнем случае осенью, - невозмутимо отвечает Миариль.

Глаза у короля стремительно лезут на лоб. Такой точности и уверенности он от матери не ожидал.

– Ты веришь в сказки про Белую Королеву? – спрашивает он, кивая на отложенную книгу, зловеще поблескивающую серебряными вставками переплета. – И Хозяин Сфер тоже верит?

На фоне недавней кровавой войны с Оньгъеном, жестоких изысков дипломатических интриг и нескончаемых споров среди богословов, тысячелетней давности история с вечной местью и воплощенными проклятиями кажется ему чересчур страшной, чтобы быть правдой. Такими страстями только юных барышень пугать.

– Дэрри! – королева-мать умеет говорить проникновенно. – Разве Ильимани не является твоей прямой прародительницей? Ее портрет до сих пор висит в Северной галерее. Достаточно сходить туда и посмотреть на нее, чтобы уверовать раз и навсегда. Сделай это. Про сто возьми «Легенды» и прогуляйся туда один, без женщин. Постой немного напротив, и ты все поймешь.

Мать и сын привыкли смотреть друг другу в глаза, понимая собеседника с полуслова и полувзгляда.

– Что ты посоветуешь мне предпринять?

– Пока ничего, но... – Пальчик с ухоженным ноготком взметнулся вверх. – Я взяла на себя смелость дать Эркклиффу небольшое задание – найти для меня кое-что в Ятсоуне. И я знаю того, кто заинтересован еще больше, чем мы.

– Я знаю этого человека?

– Знаешь. И это не человек.

– Ты хочешь сказать, что...

Мать имеет право перебивать сына, даже если он великий король.

– Я уверена, что он сумеет оценить мои усилия.

– Разве Ириен не в Маргаре?

Улыбка королевы столь же ласкова, сколь и снисходительна. Если бы они играли партию «драконов», то король был бы вынужден признать свое поражение, а выигрывать у себя Хальдар мог позволить только матери.

– К твоему сведению, он участвовал в Яттской битве в составе Вольной армии.

– Я не знал.

– Я тоже. Пока он не явился ко мне в замок Лоло. Помнишь, я жила там с девочками? Не смотри на меня так, никто об этом не узнал. Твои соглядатаи тоже. Однажды ночью он просто возник в оконном проеме, мы поговорили, а потом эльф бесследно исчез. Как всегда. Но одно я знаю точно – скоро Ириен будет в Игергарде.

– Почему ты так уверена?

– Потому что три года назад мы говорили о Воплощении Белой Королевы, о ятсоунских жрицах Оррвелла и об оллавернских магах. Ты изумлен? Я тоже была поражена в самое сердце. Особенно когда легат Облачного Дома стал спрашивать меня о Ириене. Ты забыл? Неудивительно, Шафф так долго распространялся о достоинствах тассельрадской школы фехтования, что за нагромождениями его слов никто не заметил вопроса о твоём давнем наставнике. Я лишь сложила все вместе: явную заинтересованность Тианды Яттмурской, тот разговор с Ириеном, неподдельную тревогу магистров, древние предания. И что же получается? А получается отчетливая взаимосвязь. Ты не находишь, сын мой? Мне она внушает наибольшее беспокойство.

– Мне тоже. Только я не могу понять, каким образом эльф оказался замешан в столь старую и смутную историю?

Если королева и знает ответ, то она молчит, и никакая сила не заставит ее разомкнуть уста. А может быть, Миариль ничего доподлинно не знает. Тогда она определенно, догадывается. Или предчувствует. Она слишком долго сама носила корону, чтобы облекать свои смутные домыслы в конкретные слова.

– Так или иначе, мы все во что-либо замешаны, желаем мы того или нет.

О нет, она не станет опережать события, она будет терпеливо ждать плодов, которые принесут ее труды. Раньше эта тактика никогда ее не подводила.

Вдовствующая королева утомленно прикрывает глаза, она хочет остаться одна. Погасить свечу и лежать в блаженной тьме, уютном прибежище всех ее воспоминаний. Хрустальная флейта ее голоса звучит печально, заставляя сердце сына трепетать от непонятной грусти.

– Он совсем не изменился. Что значат двадцать лет для эльфа? Мне было больно видеть его, радостно и больно одновременно. Ты же помнишь, что болтали про меня и него?

Полные губы короля презрительно кривятся. Давняя сплетня жива и поныне, подаваемая с той или иной долей злорадства. А как же! Любовная связь королевы с наемником-эльфом! Помнится, покойный супруг Миариль – отец Хальдара, король Витор, изрядно повеселился, когда слухи дошли до его ушей. Кто-то, рассчитывавший на приступ ревности и гнева, направленного на королеву, здорово ошибся в своих расчетах. Витор, да будут светлые небеса ему вечным домом, велел выпороть особо язвчатых сплетников, а злополучному эльфу подарил кобылу-чистокровку. За моральный ущерб, так сказать. Они оба – король и королева – знали, что Ириен по прозвищу Альс не только учитель фехтования их сына и наследника престола, не просто волшебник, коими Орфиранг во все времена просто-таки кишел, как собачья шкура блохами, он – Познаватель. Эльф поклялся в верности, и этого, в глазах Витора, доставало для полного доверия.

– Наверняка ему было еще больнее, чем мне. Увидеть почти старуху вместо молодой женщины, которая жила в его памяти, – сильное испытание. Мы всегда были друзьями, и я пообещала, что никто не узнает, о чем именно шел разговор той ночью. Я и тебе не скажу. Но запомни, если кто и сможет как-то повлиять на события, то это будет Ириен Альс. А теперь иди спать. И книгу возьми.

Почтительный сын подставляет лоб для прощального поцелуя. Поцелуй этот легок и прохладен, как опавший лист, он ничем не отличается от тысяч подобных поцелуев, всегда напоминающих о детстве. Разговор окончен, но растревоженный король на пороге останавливается и оборачивается к матери:

– И все же... почему он не остался, почему он отправился за море? Я тысячу раз задавал себе этот вопрос и так и не нашел ответа. Но ты, ты-то понимаешь?

– Ириен не захотел видеть, как ты из мальчика становишься королем. Он заботился о порывистом открытом ребенке, мечтающем о путешествиях и кораблях. Но много ли осталось теперь в тебе, Дэрри, от того мальчика?

Хальдар Игергардский молча уходит, унося с собой горький аромат любимых духов Миариль и горечь ее неожиданной откровенности. Теперь ему точно не уснуть.

Маяться королю до самого утра, в который раз спрашивая себя: стоила ли корона целой страны мечты о белых крылатых кораблях?

И не находить ответа.

Из окон кабинета его величества открывается вид на гавань, словно последняя уступка детским фантазиям. И король станет глядеть за холодное, мокрое от дождя стекло, угадывая в желтых мерцающих точках света фонари на корабельных ютах. Теперь у того мальчика, которого двадцать лет назад светлоглазый эльф учил держать в руках меч, имелось больше десятка кораблей, начиная от прогулочной яхты и заканчивая огромной трехъярусной гирремой с золоченой морской девой на носу. А хотел бы теперешний Хальдар встретиться с тогдашним Хальдаром? Стало бы королю легче, увидь он вновь перед собой ничуть не постаревшее лицо со шрамами на правой щеке? И что сказать этому созданию, которое, возможно, увидит, как состарится и умрет его, Хальдара, еще не рожденный внук?

Даже великим королям, чьи дела сотрясают основы основ, о чьих подвигах слагают сказки и легенды, даже им порой не спится весенними ночами. И тут некого винить, некого наказывать и порицать. Это всего лишь душа, выбравшись из тесного, жесткого панциря монаршей воли, осторожно напоминает о своем существовании, чтоб его величество еще при жизни не превратился в каменный памятник самому себе.

Окна кабинета главы Тайной службы Игергарда выходили на фруктовый сад. И каждую весну лорд Далмэди имел невыразимое словами удовольствие

любоваться бело-розовыми от изобилия цветов ветками райкос. Впрочем, он проводил столько времени на рабочем месте, что вынужден был созерцать свой сад не только в любое время года, но и во все часы суток. Чем дольше лорд Далмэди возглавлял грозное ведомство, тем сильнее в нем крепла уверенность в том, что только вид из окна способен скрасить его существование среди тупых, безмозглых и бестолковых подчиненных. Да! Именно так. И еще, пожалуй, кот. Единственное живое существо в окружении лорда Далмэди, которое имело право именоваться разумным. Поэтому у всесильного Верховного командора была крайне неприятная привычка разговаривать с окружающими исключительно посредством диалога с хвостатым и усатым красавцем Чучем.

– Скажи мне, друг мой, – проворковал лорд Далмэди коту, возлежащему на подоконнике, – нужно ли нам трогать эльфа?

Кот сыто прищурился.

– Вот и я считаю, что эльфа трогать не следует. А необходимо сделать... Что?

Несчастный господин Квисс дернулся всем телом, как лягушка, насаженная на острогу.

– Все возможное для изоляции господина Альса...

– Чуч, он придурок? – еще более ласково промурлыкал лорд Далмэди.

Верховный командор сам походил на огромного кота, только никак не на домашнего мурлыку, а на тех огромных диких кошек, которые бродят в лесах северного Тассельрада. Тяжелый взгляд светло-карих глаз, жесткий ежик седых волос, мощный торс прирожденного бойца и застывшее на лице выражение крайнего презрения ко всем и вся. Вот уже четверть века он держал в своих руках все тайны Игергарда и сопредельных стран, руководя разведкой и контрразведкой. Поговаривали, что с Далмэди считался сам Хозяин Сфер – Ар'ара. Мужчины из рода Дэнис служили игергардскому престолу верой и правдой на протяжении последних шести поколений, не без оснований считаясь опорой трона.

– Я лишь предложил...

– Чуч, милый, напомни мне, что я делаю с недоумками?

Кот сладко зевнул.

– Правильно, я их сжираю живьем. А если сей... – лорд Далмэди смерил агента уничижающим взглядом, – ...субъект не организует мне встречу с командором Элвертом, я сделаю кое-что похуже.

– Я немедленно пошлю гонца в Фадар.

– Чуч, он хотел сказать, что уже послал гонца? – делано удивился Верховный командор, почесывая за ухом своего пушистого любимца.

– Да, разумеется, гонец уже почти в пути.

– Тем более.

Господин Квисс, взмокший от холодного пота, стремительно выскочил из кабинета шефа, и все, кто случайно оказались на его пути, почли за счастье вжаться в стены коридора и притвориться невидимками. Наверное, если бы боги низошли с небес и солнце село на востоке, то эти светопредставления не произвели бы на несчастного Квисса большего впечатления, чем недовольство лорда Далмэди. И не приведи Создатель дождаться, когда Верховный командор разгневадается по-настоящему.

– Вот скажи мне на милость, дорогой мой Чуч, – продолжал лорд Верховный командор, когда дверь за Квиссом закрылась, – я понимаю, молодо-зелено, если бы молодость знала, и тому подобные истины, но нельзя ли придумать какое-нибудь сильное средство от их непробиваемой тупости?

Кот оглушительно урчал и подставлял под ласкающие пальцы хозяина свое белое мохнатое пузо.

– Чуч, нам нужна Тианда, а воплощениями, проклятиями и прочими извращениями пусть занимаются колдуны и жрецы. Нам же с тобой нужна яттмурская выскочка. И никто более, особенно Альс.

Лорд Далмэди задумчиво наблюдал, как ветер качает за окном голые ветки деревьев. Весна в этом году основательно запаздывала. Погода менялась по нескольку раз на дню. Утреннее ясное солнце оборачивалось к полудню проливным дождем, ночью же еще по-зимнему подмораживало землю. А настоящего тепла все не было и не было. Удивительно ли, что у лорда Далмэди разыгрались головные боли и бессонница? Однако долгими ночами Верховный командор не просто так смотрел в потолок, он думал весьма напряженно и продуктивно. Потому как, являясь в похожий на маленькую крепость особняк, где располагалось его ведомство, лорд Далмэди наваливал на подчиненных все больше и больше работы. Он наводнил Яттмур полевыми агентами, которые уведомляли о любых действиях подручных королевы Тианды, и вести из-за Яттса день ото дня становились все более тревожными. Тианда, будь она неладна, развила бурную деятельность по вербовке ятсоунского жречества, норовя проникнуть в святая святых храмовых архивов. Ее люди повсюду совали нос и в самом Игергарде, прикрываясь недавними союзническими отношениями сопредельных королевств. Тианда жаждала заполучить в свои ловкие загребущие ручонки самый большой козырь – Воплощение Белой Королевы, чтобы с ее помощью диктовать свои условия всем соседям. Лорд Далмэди не удивился бы, узнай он о том, что аппетиты яттмурской королевы простираются на большую часть континента. А на игергардскую часть долины Яттса ее предки зарились уже давно. И безуспешно. Отец нынешнего игергардского государя на заре своего правления отвоевал у Оньгъена большую часть долины, и теперь Хальдар успешно завершил объединение земель, изгнав оньгъе за водораздел окончательно и бесповоротно.

– Она мне никогда не нравилась, – медленно сказал Верховный командор. – Нельзя было допускать, чтобы Хакк Роггур стал ее консортом. Хотя, если бы оллавернские колдунишки соизволили объяснить такое пристрастие Тианды к грубым, тупым солдафонам... Чуч, это было подозрительно с самого начала. Когда женщина с исключительным образованием и любовью к худеньким миниатюрным брюнеткам наконец-то освобождается от опостылевшего мужа и, вместо того чтобы наслаждаться свободой, вдруг скоропалительно выходит замуж... Чуч, ты не поверишь, но Хакка Роггура надо показывать в зверинцах в отсутствие настоящих гигантских пещерных медведей.

Нервный рывок хвостом полностью выразил меру возмущения котяры свершившимся марьяжным просчетом.

– Но Ар'ара молчал до последнего, демоны его разорви на сто тысяч кусков. Как же я ненавижу колдунов! Кстати, в некоторые колдовские декокты входят части кошачьего тела.

Чуч с исключительно равнодушным видом почесал задней лапой за ухом.

– Зря ты так спокоен, друг мой. Вот господин Альс мое скромное мнение всегда разделял целиком и полностью и даже однажды поделился со мной своей личной классификацией магов. Прелюбопытная, скажу я тебе, классификация. В соответствии с ней наш Хозяин Сфер не кто иной, как сволочь корыстная. Из чего следует, что все ужасы, которыми так упорно стращает нас Оллаверн, опасны в гораздо большей мере для самого Облачного Дома, чем для нас – простых смертных. Я же вижу реальную опасность со стороны Яттмура и его королевы. Такие дела, милый мой Чуч.

В начале весны обычно темнеет быстро, и в кабинет Верховного командора просочился слуга, чтобы разжечь свечи. Предусмотрительный лорд Далмэди выбрал его из сотни кандидатов за то, что он был глух, как тетерев, и нем, как безымянная могила.

– Так вот, дружище Чуч, мы сделаем проще. Мы пошлем на это дело моего младшенького. Пусть учится работать с нелюдями. Одобряешь?

Кот тщательно вылизывал себя под хвостом. Его мнение относительно Драйка лорду командору было доподлинно известно. И отчасти совпадало с его собственным. Только Далмэди думал о своем третьем сыне еще хуже, чем кот.

– Он хочет доказать, что взрослый и самостоятельный? Замечательно! Это будет прекрасная возможность, – удовлетворенно заявил шеф игергардской Тайной службы, провожая взглядом слугу.

Глухонемой работал сразу на три разведки. На Тассельрад, на Яттмур и отчасти, совсем немного, на Маргар. Он не слышал и не говорил, но прекрасно умел читать по губам. И лорд Далмэди об этом знал и безнаказанно пользовался как источником дезинформации. Всегда лучше иметь под рукой прикормленного шпиона, о возможностях которого враги самого высокого мнения, и сведениям, полученным от него, принято безоговорочно доверять.

– Чуч, согласишься, я – гений.

В качестве ответа толстый черно-белый котяра с громким мявом сиганул хозяину на колени и потерся щекой об его плечо. К чему слова?

Он не любил привлекать к себе излишнего внимания. Ни профессия, ни склонности не располагали этого человека к откровенности, да и слишком уж невыразительными чертами наградила его Создатель. Среднего роста, не толстый и не худой, русые волосы средней длины, зеленые глаза, никаких особых примет – типичный горожанин небольшого достатка. Это если в городе. А так вполне можно принять за небогатого фермера или ремесленника из цеховых. Надо ли говорить, что имя у этого человека менялось в зависимости от обстоятельств, времени года и настроения?

Человек этот появился в Фадаре аккурат к концу месяца араша[1 - См. Приложение.] 1694 года, вслед за очередной оттепелью. Назвался Валлэ и, для приличия поторговавшись с хозяйкой, снял крошечный домик возле маяка. Хотя на вид господину Валлэ больше тридцати никто не давал, он отнюдь не выказывал свойственную молодости склонность к разгулу. Наоборот, целыми днями просиживал взаперти, регулярно навещая лишь хлебную лавку и гавань. Будто ожидал весточку из Запроливья. Мало ли какое дело у человека может оказаться в Ветланде. Однако до открытия навигации, до первого паромы господин Валлэ обречен был на терпеливое ожидание.

Терпения же было не занимать ни ему самому, ни его работодателям. А вернее сказать, хозяевам. Хотя излишнее любопытство к делам посторонних всегда считалось пороком людской натуры, в данном случае уместнее будет объяснить род занятий молодого человека столь неприметной наружности. Так вот, господин Валлэ зарабатывал свой хлеб слезкой. Но не стоит путать его с обычным шпиком. Далеко не каждый в этой малоуважаемой профессии работает на эльфийскую Зеленую Ложу. Еще меньше представителей человеческой расы могли похвастаться таким работодателем.

А дело было так. Жил на белом свете молодой человек с ярко выраженными криминальными склонностями. Звали его в ту пору... Никто уже не упомнит, разумеется, но имя было совсем иное. Причем склонности он свои развивал, а способности совершенствовал, не пуская дела на самотек, и к двадцати пяти

годам славился на весь Тассельрад как самый опасный и неумолимый наемный убийца. Продвигайся его карьера и дальше в том же духе, стать бы ему столичным мастером убийц. Но, как это случается сплошь и рядом, молодого человека подвели непомерные амбиции. Взял заказ на обычного лоха, вскользя удивившись только цене работы, уж больно высока за простого обывателя. А лох-то оказался совсем не простым. Колдун-полукровка эльфийский не дал себя запросто уколошить, а парочкой волшебных словес скрутил убийцу, подвесил в своей лаборатории наподобие летучего мыша – за ноги к потолку – и немного поэкспериментировал на досуге. А опыты у магов, как правило, весьма и весьма болезненные. Неведомо, до чего доэкспериментировался бы чародей, если бы не его дальний и чистокровный родич, явившийся очень своевременно и без предупреждения. Надменный, как тысяча демонов, сидхи полюбовался пленником, оценив невыразительную внешность знаменитого убийцы. Эльф, конечно, подивился затее родственника-мага, в опытах принимать участие тоже не отказался. Ему как раз пришла в голову гениальная идея, тут же, ну почти сразу и воплощенная в реальность. Убийцу-неудачника напоили зельем, усыпили, а после пробуждения доходчиво объяснили, что отныне он практически бессмертен. По крайней мере, в течение ближайших ста шестидесяти семи лет смерть ему точно не угрожает. Можно сказать, волшебники на пару благодетельствовали молодого человека вместо того, чтобы наказать за несовершенно по счастливой случайности смертоубийство. Более того, ему еще и высокооплачиваемую работу подкинули. От щедрот душевных, надо полагать. Хорошую работу, непыльную, долгосрочную, интересную. Поручалась же новоиспеченному долгожителю малая безделица: следить за одним беспокойным существом. И вовсе не человеком, а эльфом. Вот почему долгая жизнь совсем не будет излишеством, а обречена стать острой профессиональной необходимостью.

И за последние шестьдесят с хвостиком лет где только не довелось побывать господину Валлэ: в Ритагоне жил, в Орфиранге, в Дарже, в Ан-Ридже. С таким шустрым подопечным, как Ириен Альс, не заскучаешь. Нет, по Великой степи следом за эльфом и его лангой «вечный» шпион не ходил, но чутко ловил все слухи, которые доходили до его ушей. И неизменно держал в курсе дел лорда Арьятири.

Хозяин не требовал невозможного. Так, например, не пришлось тащиться в Ветланд. Уж больно в малолюдные места умудрился забраться Альс. Зато теперь поручено было господину Валлэ дожидаться момента, когда нога подопечного ступит на игергардскую землю, о чем сразу же доложить хозяину. Даже если придется ждать десять лет.

А терпения невзрачному господину Валлэ точно не занимать.

Вместо того чтобы расслабиться после напряженного дня или, что еще лучше, лечь себе почитать, лорд Далмэди приказал послать за Драйком. Причем ординарцу всемогущего Верховного командора было наказано доставить парня живым или мертвым. Если дрыхнет – будить, если бодрствует – не принимать никаких отговорок. Отец зря кликать не станет.

Далмэди расположился на своем диване, водрузил на живот урчащего кота и приготовился лицезреть наследника. Это занятие всегда отнимало у него остатки душевных сил. Только малосведущий мог подумать, что лорд тучен и тяжел на подъем, на самом же деле его сил вполне хватало, чтобы при необходимости вспорхнуть со своего ложа, как бабочка. Другое дело, что порхать не было никакой необходимости. Далмэди требовалось лишь немного терпения.

– Доброго вечера, батюшка, – молвил молодой человек, вошедший в опочивальню. – Вы звали?

– Звал, – проворчал лорд, мазнул взглядом по фигуре сына и сосредоточил внимание на любимце Чуче. – У меня есть для тебя важное и деликатное задание...

– О как! – удивился Драйк.

– Вот так! Как я сказал. И не смей меня перебивать! – прорычал Далмэди.

Молодой человек потупил взор и промолчал. На вид ему можно было дать не более двадцати трех, до того гладким и юным казалось его лицо, но на деле сыну Верховного командора скоро исполнялось тридцать лет. Морщины не бороздили лоб, большие голубые глаза туманила юношеская наивность, и губы его в любой момент готовились ответить улыбкой на улыбку. Даже аккуратная рыжеватая бородка не придавала Драйку необходимой солидности. Юные девицы, несомненно, находили молодого человека достойным самого пристального внимания, а вот папашу беззаботное добродушие сына выводило из себя.

– Ты давно говорил, как тебе хочется стать взрослым и самостоятельным, и сейчас я великодушно предоставляю тебе такой шанс. В роду Дэнис принято служить на благо страны и короны. Пришло время тебе продолжить традицию нашей семьи. А заодно попрактикуешься в знании языков, продемонстрируешь свою хваленую проницательность и умение заговаривать людей до смерти. Кстати, на нелюдей твой дар распространяется? – язвительно спросил папаша Дэнис, для сохранения остатков душевного равновесия продолжая поглаживать кота.

– Я полагаю, что да. Ты же знаешь, я могу общаться и находить общий язык со всеми.

«Особенно с певичками, танцорками, комедиантами, шарлатанами, заклинателями и прочими творческими натурами», – мысленно поправил сына Далмэди.

– Значит, тебе будет проще простого отыскать некоего эльфа по прозвищу Альс, познакомиться, сойтись с ним настолько, чтобы тот мог на тебя смотреть без тошноты...

Драйк почти по-детски надул от обиды губы. Он вообще легко обижался. Хотя успел привыкнуть к тому, что папаша не скупится на эпитеты по его адресу.

– Ничего особенного от тебя не потребуется, кроме своевременных докладов о месте пребывания упомянутого Альса и о его планах действий.

– Как же я его найду?

– Его искать не придется. Он сам тебя найдет в Канегоре. Но сначала ты отправишься в Ятсоун, там тебя будет ждать лорд Эркклифф, который передаст тебе некие документы...

Пока наследничек осмысливал сказанное, а делал он это вслух, сам задавая вопросы и тут же на них отвечая, перебивая самого себя, лорд Далмэди размышлял, сколько людей приставить для присмотра за сыном. И вдруг неожиданно понял, что на этот раз никакой страховки у Драйка не будет. Сколько можно держать парня на крючке? Пусть, наконец, научится жить без

оглядки на папочку, без подсказок и без страховок. Давно надо было вытолкать Драйка в большой суровый мир из теплого родительского гнезда. Так же, как ранее лорд Дэнис поступил со своими старшими детьми.

– Запомни, Драйк, ты останешься один. Никакой помощи не будет. Никакой поддержки с моей стороны тоже.

– То есть? – опешил молодой человек.

– То, что я сказал, – отрезал отец. – У меня нет лишних людей, чтобы тебе помогать. Тебе тридцать лет, ты хренову тучу лет учился, набираясь всякой дури. Да любой из моих подчиненных на твоём месте уже прошел бы через настоящее пекло. Или ты надеешься и дальше витать в облаках?

Такого расклада Драйк Дэнис от папочки точно не ожидал. Всемогущий папа всегда решал все его проблемы, начиная от карточного проигрыша и заканчивая пресловутой учебой. Хренова туча лет, как выразился лорд Далмэди, ушла на поиски себя, своего места в жизни, ее глубинного смысла и реализацию потребности учить смыслу жизни других. Платил за всё, разумеется, папа.

– Мой уровень необходимого комфорта подразумевает...

– Вон! – взревел лорд. – Еще слово, и ты отправишься на задание в рубище! Вон с глаз моих, чучело болтливое!

Чуч возмущенно зашипел, безоговорочно поддерживая хозяина. Его изумрудный взор горел желанием разорвать на куски всякого, кто своими словами сумел разгневать Далмэди.

Драйк счел за благо быстренько ретироваться, пока отец не привел свои угрозы в исполнение. А тот ведь мог...

Драма жизни Верховного командора Тайной службы лорда Далмэди состояла в том, что его младший сын любой работе предпочитал возвышенную болтовню, любому делу – бесконечные философствования, но при этом жаждал прежде всего славы и признания. Такое сочетание более всего и бесило старого «сторожевого пса» игергардской короны, привыкшего добиваться успеха

тяжким трудом.

Пергамент обжигал ладони волшебника. Не буквально, разумеется, но от ощущения тысячелетней древности документа подушечки пальцев пощипывало.

«И сказал ОН, что отныне у всего сущего будет Истинное Имя. Дабы сочтено оказалось все Добро и все Зло, вся Тьма и весь Свет, какие только есть в этом мире. И чтобы никогда и никто не смог бы назвать Добро Злом, а Тьму Светом». Узкая старческая рука когда-то выводила руны староадаля, горела ароматическая свеча, подбадривая древнего мага, стремившегося донести до потомков крупицы накопленной мудрости. Он ведь торопился, боялся, что не успеет закончить свой труд и плоды стольких лет изысканий сгниют вместе с ним в могиле.

«Великие небеса, о чем ОН думал, когда это делал?» – раздраженно подумал Ноэль, продолжая вглядываться в аккуратные строчки.

«Познаватель является по сути своей старателем, добывающим в бурном потоке жизни золотой песок истины. Дар сей редок и достоин всяческого поощрения со стороны наставника, ибо краток срок человеческой жизни». Во времена, когда писался манускрипт, еще не существовало заклинания вечной молодости. А может быть, оно было найдено благодаря стараниям тогдашних Познавателей – людей?

Сколь усерден окажется собиратель, столь многими знаниями обогатится Искусство. Ибо Истинное Имя дарует такую же власть волшебника над объектом, какой владеет сам Создатель».

Ноэль отложил в сторону пергамент. А ведь не исключено, что именно оттого, что людские чародеи овладели способностью продлевать себе жизнь искусственно, в роде человеческом иссяк дар Познания. Тут было о чем подумать...

– Не спится?

У Глашатая Ночи была странная привычка заходить в гости без приглашения и, не постучавшись, распахивать дверь. Причем касалась она далеко не всех обитателей Белой башни. Скажем, на Ар'ару или Итана Канкомарца привычка почему-то не распространялась. Возможно, когда-нибудь Ноэль тоже сможет шарахнуть молнией в нарушителя своего спокойствия, как это с завидной регулярностью и без видимых последствий проделывала Тафила Юнис, но пока он вынужден мириться с бесцеремонностью Шаффа.

– Так о чем душа томится в столь поздний час?! – бодро спросил Глашатай Ночи и шлепнулся задом в единственное кресло, заставив хозяина покоев стоять.

– Мессир, я бы хотел побыть один, – мягко намекнул Ноэль.

– Вы еще успеете насладиться одиночеством.

Шафф не желал понимать тонких намеков.

– Вместо того чтобы переживать из-за провала вашей лаффонской миссии, стоило бы перенаправить все усилия в более продуктивное русло. И, кстати, это ведь была ваша идея – попытаться договориться с Познавателем, – притворно улыбнулся иерарх, кивнув на старинный пергамент. – Если бы вы смирили гордыню и обратились за советом ко мне...

– Мессир, вы пытаетесь пробудить во мне чувство вины? – спросил молодой волшебник.

– За смерть Ангера? Упаси меня, Создатель! Ни в коем случае! – всплеснул руками Шафф и в мгновение ока сменил приторно-доброжелательную тональность разговора на хищно-жестокую. – У меня полно лишних людей и с избытком талантливых чародеев, чтобы разбрасывать их костями по всему северу.

Еще десять лет назад Ноэль Хиссанд, пожалуй, перепугался бы до смерти, а гнев Глашатая Ночи стал бы для него худшим из кошмаров. Однако в Белой башне люди быстро привыкают к переменчивости судьбы. Сегодня ты в фаворе, а завтра в полнейшей опале, но ни то, ни другое не повод, чтобы забывать о своей силе и впадать в самоуничижение. Словом, Ноэль с достоинством выдержал пылающий праведным гневом взгляд Глашатая Ночи.

– Что, не страшно? – спросил тот, не заметив никакой реакции со стороны собеседника.

– Абсолютно, мессир Шафф. Вы первый любите повторять: «Незаменимых нет!»

– Ладно, – снова сменил тактику магистр. – Поговорим о деле. Сейчас Познаватель уже в Фадаре и в прямой юрисдикции лорда Далмэди, а тот не позволит даже пальцем тронуть нашего строптивного эльфийского друга. Более того, его величество Хальдар и тем паче Миариль настроены более чем лояльно к Ириену Альсу.

– Вот что значит вовремя свести знакомство с будущим королем...

– Ноэль, не будьте таким циничным. Кто же в здравом уме станет делать наставником принца оллавернского мага? – усмехнулся Шафф. – Я лишь напоминаю, что наша цель вовсе не Познаватель, а Джасс’линн.

– Я знаю. Я переключу свое внимание на нее, – пообещал Ноэль.

– А на кого же еще? Только ты сумеешь узнать ее среди других женщин.

– И все же я не понимаю логики Познавателя. Сначала он прячется в Ветланде, потом вдруг решает вернуться. Ведь письмо Арьятири не что иное, как провокация! Неужели он этого сам не понимает?

Глашатай Ночи, задумчиво погладил полированные подлокотники. Никто не назвал бы его красавцем, но что-то такое было в резких чертах мага, что приковывало к себе внимание. Несколько седых ниточек в густых вьющихся кудрях говорили опытному глазу, что их обладатель много повидал и пережил в своей жизни, полные губы – о чувственности, выдающийся крупный нос – о низком происхождении, а глубоко посаженные желтоватые глаза... О чем могли говорить глаза человека... вернее сказать, мага, который сумел подняться выше всех, достичь заоблачных высот и, главное, удержаться на вершине власти? Пройдет сотня лет, и такое же выражение глаз будет у Ноэля Хиссанда. Если он, конечно, доживет.

– Не стану делать скоропалительных выводов, но, по всей видимости, в отличие от всех нас, Познаватель сумел придумать, как решить его проблему. Я понимаю, плоскогорье Хейт – не самое лучшее место для раздумий, но иного объяснения я не вижу, – рассуждал вслух Глашатай Ночи. – Может быть, наткнулся в Чернолесье на какого-нибудь безумного колдуна с древней книгой заклинаний на все случаи жизни.

– Что-то не верится...

– Мне тоже, но ты сам стал свидетелем того, как отчаянно Познаватель рвется в Игергард.

Молодой иерарх тяжело сглотнул, едва не поперхнувшись своими воспоминаниями. Ириен Альс не произвел на него впечатления легкого и приятного собеседника.

«А ведь нам еще доведется пересечься, – внезапно подумалось Ноэлю. – И вовсе не на дружеской пирушке».

Тогда в «Мече» маг почувствовал, что эльфу совсем не хотелось его убивать, просто так складывались обстоятельства. Что для Познавателя жизнь? И что для него смерть? Всего лишь две ипостаси сущего. По крайней мере, именно так написано в тех немногих манускриптах, в которых сохранились рассуждения о сущности этого дара.

– Хотите совет, мессир Хиссанд? – вдруг спросил Шафф.

Тот согласно кивнул.

– Я всегда придерживаюсь простого принципа: хочешь сделать что-то хорошо – сделай сам. Только Ар'аре не говорите, – подмигнул магистр. – Меня этот принцип никогда не подводил. Я, пожалуй, пойду.

И удалился так же внезапно, как и появился.

Ноэль думал, что не сумеет заснуть после такого разговора, но, едва голова его коснулась постели, маг провалился в сон.

Ему снилась война. Никогда не виданная Ноэлем война. Пыльная, жаркая и случившаяся чуть более ста лет назад, о которой уже мало кто вспоминал. Но она продолжала жить в снах. В чужих снах. В снах Ириена Альса. Война врывалась в них атакой конницы. Во сне конные каждый раз сминали и сметали первую линию обороны, чтобы увязнуть во второй. На Ноэля неслись кони, земля дрожала, и он сам заходил в волчьем вое, готовясь принять на себя удар. А из-за его спины на атакующих сыпался дождь стрел, выкашивая первые ряды. Лошади спотыкались, летели кувырком, ломая ноги и хребты, давя седоков, прямо по ним скакали другие и, налетев на оборону, обрушивали на головы защитников всю свою ярость и ненависть. А дальше всякое описание теряло смысл, потому что словами не передать. Ноэль рубил и рубил своих врагов, не останавливаясь, не чувствуя боли и усталости, и просыпался за миг до того, как всадник, закованный в стальные доспехи, поднимал на дыбы своего коня, норовя его растоптать.

Теперь Ноэлю все время снились война и смерть.

Эведад да-Гриск, граф Нэст, тайный советник ее величества королевы Яттмура Тианды, имел право являться к своей повелительнице в любой час дня и ночи. И поэтому королева вовсе не стала возмущаться, когда ее разбудили уже далеко за полночь. Потягиваясь, королева бросила взгляд в окно. Право слово, грешно спать в такую хрустально-прозрачную ночь. Луна Шерегеш восхищенно любовалась собой в темных водах Яттса, и, надо сказать, в обрамлении весенних созвездий она была прекрасна, как в час сотворения. Казалось, что стоит насторожить слух – и услышишь легчайшую поступь Весны по прошлогодним пожухлым листьям, всю зиму отважно согревавшим землю. Обычно в это время в Яттмуре уже было по-настоящему тепло, без ночных заморозков и промозглых утренних туманов. Нынешняя зима выдалась на редкость затяжной, и королеве приходилось кутаться в меха.

Тианда прекрасно знала, как роскошно смотрятся ее черные локоны на ослепительно-белом меху накидки из снежной лисички. Еще один способ заставить мужчин смотреть в ее направлении, не более того. Миниатюрная, изящная, тонкокостная, она умела себя подать с наилучшей стороны в любой ситуации. Этот мир принадлежал мужчинам, и даже королеве, законной владычице земель, надо прилагать определенные усилия, чтобы манипулировать ими. Особенно если не забывать, что власть и корона делают женщину желанной гораздо сильнее, чем красивое личико, высокая грудь и

тонкий стан. А ничего из вышеперечисленного у Тианды никогда не было. Зато была королевская кровь, океан амбиций и железная воля.

– Ваше величество... – Эведад галантно преклонил колено.

– Есть новости?

– Да, ваше величество. Целых две.

– О!

Королева знаком приказала слуге подбросить дров в камин и уселась поближе к огню.

«Когда же кончится эта бесконечная зима?» – мысленно возмутилась Тианда, поплотнее закутываясь в меховую накидку.

– Далмэди ожидает появления некоего эльфа по прозвищу Альс и отправляет на встречу с ним Драйка, – доложил граф Нэст и, получив разрешение, присел напротив королевы на кушетку.

– О чем это свидетельствует?

– О том, что большинство сведений касательно... – Эведад сделал многозначительную паузу, – касательно нашей истории подтверждается.

– Я это и так знаю. А что вы скажете мне о Драйке Дэнисе?

– Ранее он в поле нашего зрения не попадал, так как не подавал никаких надежд в качестве наследника отцовских способностей. Светский юноша. Кое-кто отзывался о нем как о молодом интеллектуале, в какой-то степени даже философе.

– Философ? – озабоченно переспросила Тианда. – Как странно.

– Для Далмэди – да. Старый зверюга никогда не относился к Драйку всерьез, предпочитая молча оплачивать счета и держать младшенького в стороне от своих дел. Внезапная перемена меня порядком смущает.

– Чем же? – допытывалась королева.

– Альс – важная фигура. Ведь именно его считают спутником Воплощенной. И вдруг такое доверие к «паршивой овце» со стороны Далмэди!

Эведад всегда был чрезвычайно подозрительным человеком. Он начинал верить только после десятка проверок и перепроверок.

– А насколько точны ваши сведения?

– Источник заслуживает доверия.

– Тогда примите меры. Сын Далмэди в любом случае представляет собой определенную ценность, как ни крути, – улыбнулась Тианда.

– В любом случае это будет еще одной ниточкой, ведущей к Воплощенной.

– Совершенно с вами согласна.

Остатки сна покинули яттмурскую королеву, и она бы с удовольствием поболтала с Эведадом, но не стоит подавать лишний повод для досужих разговоров. О, нет, придворные прекрасно знали, кого предпочитает их повелительница для романтических утех. Однако ночные бдения с графом Нэстом будили в царедворцах ненужные предположения о том, против кого замыслили интригу ее величество и тайный советник. Как следствие, яттмурский двор начинало лихорадить от подозрений. Придворные дамы шарахались собственной тени, кавалеры проявляли излишнюю нервозность. Тианде, конечно, нравилось держать своих подданных в легком опасении, но не в ущерб комфорту и целесообразности.

Королева приказала подать вина, прибор для письма и зажечь еще пару свечей. Раз уж пропал сон, то нужно воспользоваться свободным временем с толком, а вдохновением – с пользой для дела.

«Мессир Ар'ара!» Почерк у ее величества был каллиграфический с самого детства. «Несомненно, Вам будут интересны Наши соображения относительно переговоров по возникшим в недавнее время разногласиям...»

В гостинице «Лук и стрелы» Ириен первым делом направился в купальню. Он блаженствовал в горячей мыльной воде, пока служанка мыла его длинные волосы. В Игергарде, как и почти всюду на побережье, гостиница или постоялый двор, где постояльцы мылись самостоятельно, считались заведениями самого низкого пошиба. Вроде приюта для нищих. В варварском Ветланде при одном упоминании об этом обычае слушатели начинали смущенно хихикать и краснеть, но чистоты и опрятности подобная скромность не добавляла. Самые просвещенные особы княжеских кровей искренне полагали, что для купания подходит только летнее время. А так как лето в Ветланде коротко и весьма прохладно, то злоупотреблять омовениями необязательно. Как следствие, дворец князя Кириама в лучшие свои дни вонял старой конюшней, а в худшие... Словом, Ириену больше нравились игергардские обычаи, а служанка воспринималась как предмет обихода, а не как живой человек.

Эльф прикрыл глаза, полностью расслабляясь в горячей воде, и глубоко вдохнул. Мир запахов был ничуть не менее ярок, чем мир красок. От бадьи пахло распаренным деревом, от девушки мылом, от воды ароматным маслом, даже мочалка пахла особенно остро ипряно. Видимо, траву для нее собирали несколько лет назад, и она успела пересохнуть. Из кухни долетал слабый аромат мясных кушаний и приправ. Совсем немного, но желудок тем не менее деликатно напомнил о пропущенном обеде и завтраке, да и о несостоявшемся ужине тоже.

Легкое колебание воздуха и то, как изменились движения рук банщицы – до того плавные и размеренные, они стали напряженными, – известили о визите незваного гостя. Ириен не стал открывать глаз. Он и так знал, кто к нему пожаловал. Этих людей он узнавал в любом обличье, в любом окружении, везде и всегда. Из века в век они оставались одинаковы, как близнецы, вышедшие из одного чрева. Невзрачные создания с острыми чертами невыразительного лица, водянисто-стальными глазами, негромким голосом и рублеными фразами изрекающие невнятные истины. Таким ничего не стоит отправить в объятия Неумолимой не сотни – тысячи сородичей и соотечественников. О нет, не ради собственного блага, но во имя блага общего, интересов народа, благоденствия королевства и прочих выдумок. Вот и сейчас Ириен готов был поклясться, что на

пустой лавке возле изразцовой стены сидит подобный господин, представляющий собой тайные службы Игергарда. Или Тассельрада. Или еще десятка сопредельных царств-государств. А может быть, и вездесущую маргарскую Картароту. Кто знает?

– Спасибо, милая барышня. Можешь быть свободна, – сказал Ириен, по-прежнему не открывая глаз. – Мы побеседуем с господином... Как вас величать, сударь?

– Элверт, – ответствовал невозмутимо гость.

Ириен покосился на него из-под прищуренных век. Так и есть. Щуплый, но не слабосильный. Аккуратно приглаженные короткие белесые волосы над высокими залысинами, печальные глаза мученика за правду и веру, костистое лицо профессионального рыцаря тайных дел. Многолетний опыт Ириена не подвел в очередной раз. За свою долгую жизнь эльф видел палачей с лицами мыслителей, пиратов в обличье монахов-аскетов, святых, похожих на разбойников, разбойников – писаных красавцев, но шпионы всегда выглядели, как шпионы.

– Командор Элверт, надо полагать?

– Совершенно верно.

– А что же приключилось с командором Макейлом? В последний мой визит он не только был жив и здоров, но и подавал немалые надежды.

– Ушел. На заслуженный отдых.

– О, я себе представляю, как ему сейчас покойно, – вздохнул эльф. – Вы с ним удивительно похожи. Внешне, разумеется. Как и с командором Сиймоном, и с командором Вертиром. Они вам родственниками не доводятся, случайно?

– Случайно нет.

– Прекрасно. Они, знаете ли, плохо кончили. Такое иногда передается по наследству.

Хладноглазый Элверт пожевал недовольно губами.

– Я пришел по делу, господин Альс, а не выслушивать ваши намеки.

– Не могу даже представить то дело, ради которого вы решили нанести мне столь несвоевременный визит, – изумился Ириен. – Чем же моя скромная персона заинтересовала игергардскую тайную службу? Ваша поспешность меня поражает. Я ведь только сегодня днем сошел на игергардский берег.

– Вы не меняете свои привычки, господин Альс, – с оттенком самодовольства заявил шпион. – В Фадаре вы всегда останавливаетесь в «Луке и стрелах», в Квилге – в «Плясунье», в Ритагоне – в «Цветке Шаэ».

– Похвальная наблюдательность. Но, согласитесь, милейший господин Элверт, менять многолетние привычки ради минутного посрамления ваших служб было бы глупо и несерьезно. Признаться, я слишком ценю свои привычки, а их у меня не так много.

Голос эльфа прямо-таки сочился сарказмом, но Элверта это не слишком смутило. Он прекрасно знал, куда и к кому шел, и обиды на языкатого господина Альса не входили в его планы. Обидчивых в игергардской разведке не держали. Глупых и самонадеянных, кстати, тоже не жаловали. Господин Элверт никогда не стал бы командором разведки, если хоть на миг предположил, что эльф обрадуется его визиту. Толстенная папка с тремя веревочными завязками, содержащая все возможные сведения об особе Ириена Альса, дала ему возможность в красках представить, с кем придется иметь дело. Здесь хранились донесения агентов, подробные описания бесед, а также сплетни, пьяные байки, вплоть до полнейших небылиц. Элверт был одним из немногих агентов, побывавших в Фэйре и знавших эльфов не понаслышке. И если сравнивать впечатления, то Альс мало чем от своих сородичей отличался, а если и отличался, то в худшую сторону. Он с первого взгляда вызвал у командора острый приступ неприязни. Худое узкое лицо с характерным разрезом светлых глаз, бледная кожа, даже не порозовевшая от горячей воды и пара, неестественная текучая плавность движений – все это воскрешало к жизни самые неприятные ассоциации. И дело не в фэйрских знакомствах недавних лет. Нет, изысканное эльфийское гостеприимство за последнюю тысячу лет не претерпело ни малейших изменений. Но в те моменты, когда невозмутимый лорд Хъелнарэ И-Маро провозглашал очередной тост за сотрудничество и развитие связей между Фэйром и Игергардом, в памяти Элверта сами собой оживали рассказы деда о

ямах-ловушках в чащобах Ши-о-Натай, о ядовитых дротиках, внезапно летящих из ниоткуда, о коварстве засад и нечеловеческой жестокости высоких воинов в пятнистых плащах. Впрочем, командор не исключал того, что и у лорда И-Маро, и у Ириена Альса имелись собственные счеты с человечеством.

– Я не буду предлагать вам сотрудничество, хотя оно могло бы стать вполне взаимовыгодным. Не хочется повторять ошибки моих предшественников. И не потому, что я умнее или дальновиднее. Совсем нет. У меня совершенно иная задача, господин Альс.

Эльф положил подбородок на сцепленные замком запястья и очень внимательно посмотрел на Элверта.

– Слушаю вас.

– Нас не интересует, что вы делали три года в Ветланде. Мы знаем это доподлинно. Причины же, заставившие вас вернуться в Игергард, нас и вовсе не интересуют. Равно как и судьба тех двух магистров, что отправились в Ветланд для встречи с вами. Пусть ими занимается Оллаверн.

– Далмэди решил подбросить мне тему для размышлений, – догадался Ириен. – Ну что ж, это более чем разумно. Итак?

– Лорд Далмэди, – уточнил командор, – очень озабочен внезапным повышением интереса яттмурской разведки к некоей небезызвестной вам женщине. Наши сведения страдают неполнотой и отрывочностью, не позволяя делать правильные выводы. А у вас, господин Альс, обязательно должны иметься кое-какие соображения.

– Вот как?

– Да, именно так. Сейчас в Игергарде мода на игру в прятки. Кто-то прячется, а сотни полевых агентов, начиная от тупых костоломов Роггура да яттмурских магов-ренегатов и заканчивая пресловутыми Погонщиками Тумана, рыщут по стране с упорством, достойным лучшего применения. Никто искомую особу в глаза не видел, но слухи, которыми сопровождается охота, один чудовищней другого. Пришествие Девы Возмездия – это самое невинное, что мне довелось слышать. На каждом углу цитируют пророчества Астора Цикуты, князя Белитаро

и девицы Димин. Не говоря о том, что «Видения Белой Королевы» можно купить в любой лавке на трех языках.

– Забавно.

– Очень. Я тоже вначале смеялся до колик.

– И чем же я могу помочь лорду Далмэди, дабы развеять его озабоченность усилением яттмурской активности? – любопытствовал эльф.

– Понятия не имею, – пожал плечами шпион. – Скорее лорд Далмэди может помочь вам кое в чем.

– А почему вы так уверены, что мне требуется помощь?

– Я не уверен. Уверена вдовствующая королева. – Эти слова для командора Элверта почти ничего не означали, но Верховный командор утверждал, что они сработают как наживка.

И он оказался прав.

– Вот как?! Возможно, это меняет дело, – согласился Ириен. – Я не слишком смущу вас, если выберусь из воды? Она совсем остыла.

Элверт отрицательно покачал головой. Своей наготой эльф его смутить не мог. То был хороший признак. Эльф решил взять паузу и обдумать все вышесказанное. Это уже почти победа. Пока Альс вылезал из бадьи, шлепая мокрыми ступнями по плитам купальни, командор не удержался и глянул на эльфа попристальнее.

«Опять враки, ничем таким он от обычного мужчины не отличается, за исключением того, что на теле нелюдя нет ни капли лишнего жира, а сплошь твердые мышцы и жилы», – мысленно отметил Элверт.

Эльф быстро растерся жесткой простыней и, обернув чресла куском полотна, занялся волосами. Густые, тонкие и жесткие, как стальная проволока, они не требовали особой заботы. Костяная расческа разделила легкие блестящие

пряди. Редкий цвет волос для чистокровных эльфов, по большей части темноволосых.

- Какова же окажется помощь Далмэди? – неожиданно спросил Ириен.

- Есть один ученый молодой человек, который сможет помочь вам в архивных изысканиях. Он ждет вас в Канегоре.

- А если чуть точнее?

- У него будут с собой важные документы.

Эльф надолго задумался, помогая своему мыслительному процессу верчением расчески между ладоней. Миариль все-таки решила помочь и не придумала ничего лучше, чем подключить к этому делу Далмэди. Возможно, она права и это единственный способ добраться до тайных архивов жрецов. Ссориться с игергардской разведкой себе дороже, но и открыто помогать Далмэди нельзя ни в коем случае. Если тот сумеет найти хоть малейшую зацепку, то нелюдю придется несладко. Ириен примерно представлял, что ждет его в Игергарде, но, похоже, недооценил решительности и возможностей Оллаверна. А тут еще и Яттмур.

- Лорд Далмэди, в свою очередь, более всего желает покончить с притязаниями яттмурской королевы. И если вы выбьете из ее рук главный козырь... – командор Элворт выразительно поглядел на Альса.

- Передайте его светлости, что тут наши интересы совпадают.

- Отлично! В первых числах балагера вам надлежит встретиться в Канегоре с человеком по имени Драйк. После полудня, в трактире «Королевский олень».

- Как я его узнаю?

- Вы его узнаете, господин Альс, – пообещал командор. – Всего вам наилучшего!

И змеей скользнул за дверь.

– ...!! – крикнул ему вслед Ириен. И то были не самые лучшие слова на ти'эрсоне, языке эльфов.

Той же ночью специальный гонец, загоня казенную кобылу, мчался в Орфиранг, неся за пазухой запечатанный пятью сургучовыми печатями пакет. С полным дословным пересказом беседы командора Элверта и эльфа Ириена Альса шефу Королевской Тайной службы лорду Далмэди.

Его единокровный сын Драйк в это время вел высокоморальную беседу с двумя своими приятелями, обсуждая высший, божественный замысел человеческого существования, хотя прекрасно знал, что завтра ему рано вставать, а папаша снова отчитает за сонный вид. Но более всего беспокоила Драйка вовсе не взбучка от Верховного командора, а перспектива провести целую дюжину дней без компании и собеседников.

Господин Валлэ расставил в необходимом порядке девять светильников, поместив в центр образовавшейся фигуры матово-белый каменный шар. Ему требовалось полнейшее сосредоточение, чтобы сообщить лорду Арьятири о важной новости. Как известно, людям тяжело даются приемы эльфийской магии, и господин Валлэ опасался, что не успеет исполнить приказ до утра.

Королева Тианда занималась любовью со своей фавориткой, справедливо решив, что здоровый секс лучшее средство от бессонницы.

Самый молодой из магистров Оллаверна – Ноэль Хиссанд, затворившись в огромном зале, в свете единственной свечи творил могущественное заклинание, без запинки повторяя заученные слова на древнем, царапающем горло языке. Это был удивительно красивый ритуал. Золотые полупрозрачные капельки стекали с пальцев волшебника, сплетались между собой в радужно мерцающую сеть и растекались во все стороны, образуя тающие в воздухе узоры.

Игергардский король Хальдар всю ночь работал с донесениями лорда Далмэди и яттмурского посла и заснул только на рассвете, отпустив предварительно спать своих советников.

А Ириену Альсу снилась война. Всё и все вокруг были в крови – визжащие, сбесившиеся от боли и страха кони, топчущие вопящих людей и нелюдей, осыпающих друг друга смертоносными ударами, живые, мертвые и раненые, и

даже жидкая грязь приобрела кровавый оттенок. Над яттским полем стоял сплошной крик и грохот, от которого лопнула серо-стальная небесная твердь, проливаясь бесконечным дождем. Но и холодные струи не могли унять огня дикой сечи, вспыхнувшей под сыпавшимися с клинков искрами, распаленной тысячами сорванных в оре глоток и горячими потоками крови. Ириен тоже орал, не помня себя, рубя и закалявая людей, отсекая им руки и головы, протыкая насквозь. Он не слышал ни собственного рёва, ни душераздирающих криков, ни лязга и скрежета лат, ни звона мечей, словно слух отключился за ненужностью. Только грохот собственного сердца и шум крови в ушах. Этот равномерный гул да вкус крови, наполнявшей рот после того, как кто-то древком алебарды выбил ему часть зубов, оставались единственными звеньями, связывавшими Альса с действительностью. Пожалуй, если бы какой-нибудь могущественный волшебник сумел остановить время и выдернул бы эльфа из гущи битвы, то Альс бы не смог даже имени своего назвать.

– Пощадите!!!

– Бей! За Митайту!

– Ни-ко-го не жалеть!

– Убивай!

– А-а-а-а! Не-э-э-эт!

Ириен проснулся, немного поворочался с боку на бок, унимая бешеный галоп сердечного ритма, и усилием воли заставил себя открыть глаза. Грязно выругался, но решил, что половины ночи ему будет достаточно для отдыха. Возвращаться в сон, обратно на недавнюю войну, эльфа не хотелось. Чем там все кончится, он уже знал.

Глава 2

КРОЛИЧЬЯ ЛУНА

Каждый сходит с ума по-своему.

Весна 1695 года

Те полтора десятка дней, которые следуют за весенним равноденствием вплоть до Арамидиля – праздника встречи весны, на севере принято именовать Кроличьей Луной. Безумное время предчувствия нового витка жизни, канун возрождения земли. Опасное время для слабых духом и телом. В Кроличью Луну кто-то кончает жизнь самоубийством или сводит кровавые счета с тайными и явными врагами, а кто-то решает начать все сначала и решительно отказывается от прошлого. Считается, что даже боги в эти дни ненадолго покидают мир, оставляя его на произвол демонов и нечисти. Потому живым существам лучше не покидать надолго своих домов, особенно после захода солнца.

Но Альс торопился, как на пожар, наплевав на все суеверия и предрассудки. От Фадара в глубь страны вел Королевский тракт – широкий, выложенный серым кирпичом, с верстовыми столбами, придорожными трактирами и постоянными дворами, облегчая дорожные тяготы всякому ступившему на него.

Где-то далеко остался неприветливый Ветланд с его дождями и ветрами. Затерянный на краю зловещего Хейта маленький замок Тэвр постепенно превращался в смутное воспоминание. Кенарду порой не верилось, что он столько лет прожил в невероятной глухомани, даже не помышляя о том, как живут люди в иных краях.

В конце концов, думалось ему все чаще и чаще, он видел лишь окраины огромной страны, и то потрясен до глубины души. А ведь существуют еще Тассельрад, Великий Маргар, Эрмидэйские острова и еще тысячи городов, которые он сможет увидеть собственными глазами. Есть Ятсоун, священный город, где не счесть храмов всех существующих богов, а есть еще и эльфийский Фэйр.

Ему почему-то казалось, что он обязательно все увидит и все узнает, а пока сделан только первый шаг. Право же, это обнадеживало.

Игергард поистине был великолепен во всем. Касалось ли дело мостов, дорог или замков, велась ли речь о полях и садах – все здесь было большое и добротное. Деревни поражали воображение ветландца заборами выше человеческого роста, некоторые были (страшно сказать!) кирпичные.

– Народ разбогател на военных поставках, – нехотя пояснил Альс столь высокую степень благосостояния игергардского народа. – На юге, ближе к Яттсу, Оньгъен разорил целые провинции. Там все не так благостно.

– Я понимаю... – протянул Кен.

Он помнил, что эльф участвовал в войне с оньгъе. И до колик завидовал. Еще бы! Настоящая война, настоящие подвиги, настоящие герои.

– Я читал историю оньгъенских Святых походов.

– Те еще были времена.

– А вы во всех принимали участие?

– Нет, – ухмыльнулся Ириен. – Только в последней. Мне хватило других войн.

Утром двадцать второго дня месяца алсир они перевалили через очередной холм, и с его вершины открылся величественный пейзаж долины Аларимы. Сама река пряталась где-то далеко в зеленой дымке густых лесов. Дорога петляла между рощ и полей, от одного селения к другому и в конце концов должна была привести к мосту – на границу провинций Олерой и Лейнсруд. Рядом Алар, от которого до Канегора, в общем-то, рукой подать.

– Так это ж близко, – удивился ветландец.

– Только кажется. В лучшем случае будем там к полудню седьмого дня.

Кен прикинул, сколько поворотов делает старинный тракт, и согласился.

– А напрямик было бы быстрее.

– М-да. Но напрямик пусть наши враги топают, – отрезал Альс.

Спорить с ним Кен не решился. Его устраивала дорога и возможность поглядеть на здешние места вблизи. Они продолжили путь, не задерживаясь в ближайшей деревне, где не нашлось трактира. Проехали мимо хутора, мимо мельницы, пока уже ближе к вечеру не оказались на окраине безымянного поселения, состоящего из десятка домов.

– Там что-то происходит, – сказал Кен, хвастаясь своим острым зрением.

– Точно. Вешают кого-то.

Присмотревшись повнимательнее, Кен разглядел, что толпа не просто стояла под новыми воротами на въезде в Деревню. Перекладину поспешно превращали в импровизированную виселицу. Обычная практика в игергардских селениях.

– Вмешаемся? – оживился рыцарь Эртэ.

– С каких дел?

– Так вешают же... – опешил Кен.

– Пусть вешают. Их право, – равнодушно отозвался Альс.

– А вдруг это самосуд?

– Так оно и есть. Зачем же нам лезть не в свое дело?

Голос у эльфа был такой мерзкий, что Кенарда просто передернуло от отвращения.

– Скажите еще, что это справедливо?! – возмутился он.

– А что заставляет тебя думать, что люди поступают со своей жертвой несправедливо?

Эртэ прекрасно знал, что селяне, если и вешают кого-то, так только того, кто не сможет сам защититься. За несколько лет службы в Тэвре он не слышал о случае, когда бы крестьяне расправились с настоящим разбойником. А ветландцы (даже холопы) славились своей свирепостью. Все больше речь шла о мелких воришках или старухах-шаманках.

– Давайте хоть посмотрим, кто – жертва.

– Я и так вижу. Взрослый мужчина, средних лет, – спокойно отозвался эльф. – Конокрад или насильник, не иначе. У меня нет желания любоваться висельником.

Но все же они подъехали ближе. Альс снова не ошибся. Не подвел его пресловутый эльфийский взор. Крепкие мужики под вопли своих жен и детей вязали веревку на шею избитого до полусмерти типа. Тот на самом деле выглядел здоровилой, не высоким, но широченным в плечах. Черная кровь запеклась на рыжевато-седых прядях, а лицо заплыло от побоев. Кенарду осталось подивиться, как селяне сумели изловить такого могучего мужика. И только он скрепя сердце решил признать правоту эльфа, как услышал то, чего никак не ожидал.

– Стойте! – рявкнул Альс, спрыгивая с Ониты.

Разумеется, его никто слушаться не собирался. Веревку уже сбросили с перекладины вниз и успели натянуть на голову жертвы до ушей.

– Я сказал – хватит! – проорал эльф и выхватил из ножен свои мечи.

Это возымело определенный эффект, потому что толпа притихла, а избитого типа оставили на время в покое.

– Чё те надо, господин эльф? – угрюмо огрызнулся самый старший из мужиков, по виду – староста. – Мы оньгъенскую сволоту вешаем. Ехай мимо, а коли хочешь, дык присоединяйся.

Кен изумленно воззрился на недодушенного пленника. Он впервые видел живого оньгье. Но ни знаменитой бороды, ни «шипастого колеса» на могучей груди разглядеть не сумел.

– Этот тварь, чай, сородичей твоих резал без всякого счету, – снова подал голос староста.

– Этот человек – мой друг, – сказал эльф. – Отпустите его. Немедленно!

Глаза у эльфа были сумасшедшие, бешеные и яростные, об их раскаленное серебро разбивалась любая жажда крови.

– Маво старшего сына оньгье убили! Тапереча моя очередь! – злобно закричал староста. – Вешайте сволоту!

– Нет! – воскликнул эльф и сделал шаг вперед. – Либо вы оставите этого человека в покое, либо я всех здесь положу. – Он бросил на селян исподлобья волчий взгляд. – Решай, чего тебе больше хочется?

И сделал еще один шаг в сторону пленника.

Кену стало немного не по себе. Он уже успел достаточно изучить сложную эльфью натуру, чтобы понимать одну простую истину: даже если бы это были не простые селяне, а целое войско – Альс не отступит. Ветландец колебался недолго, он тоже быстро спешился и обнажил свое оружие, став рядом с эльфом.

Противостояние длилось недолго. Сельские жители были не до такой степени воинственны, как могло показаться с первого взгляда. Мужики нехотя сняли с шеи оньгьенца петлю и толкнули в сторону незваных спасителей. Тот не удержался и упал на землю.

– Будь ты проклят, нелюдь! – кричали мужики.

Кое-кто из особо отчаянных даже попытался кинуть в их сторону камень. Но после того как Кен сделал угрожающее движение, их решимость испарилась, словно снег на сковородке. Камнеметатель взвизгнул и отбежал на безопасное

расстояние.

- Пард! - сказал эльф и раскрыл объятия другу, опускаясь рядом на колени.

Верить собственным глазам Кенард не осмелился. Двое мужчин обнялись в пыли, заостренное эльфье ухо прижалось к разорванному округлому человеческому уху, стальная коса к седым пасмам, гладкая щека к колкой щетине.

- Эльфище... - хрипло простонал онгье, сжимая Альсово плечо. - Ты... вовремя...

- Традиции - дело святое, - откликнулся эльф. - Где твоя прорезная секира?

- А хрен ее знает... там же, где и борода...

Эльф помог другу подняться с такой заботой, на какую, как искренне полагал ветландец, Альс не способен принципиально. Роста извечный эльфий враг был небольшого, ниже самого Кена, но руки у него были толщины, которая сделала бы честь тангару-мореходу.

- Кен, мы на Руде поедem, - сказал эльф, подводя Ониту к Парду. - Ты сможешь усидеть в седле хоть не много, пока мы уберемcя отсюда?

- Потерплю, - махнул рукой мужчина и, охая и скрипя зубами, с трудом вскарабкался на животное.

Распоряжение вылилось для Кенарда в странное... э-э-э... расположение. В седле впереди эльфа, словно девица с картинки в книжке про похищенную принцессу. Так взрослые катают детишек.

Эльфья лошадь была послушная, а злющая Руда могла запросто сбросить ослабевшего седока.

- Этот человек действительно ваш друг?

- Да.

- Но он - онгье!

- И что с того? Это не помешало ему спасти мне жизнь почти двадцать лет назад, - проворчал эльф.

- Так это что же получается? - продолжал его пытаться Кен. - Если бы вешали незнакомца, то мы проехали бы мимо?

Его голос звенел от крайнего негодования.

- Проехали бы, - кивнул Альс, продолжая краем глаза наблюдать за другом-онгье.

Пард едва держался в седле. Как бы не свалиться ему под ноги Оните.

- Так же нельзя!!! Где справедливость?!

- Нет справедливости, - заверил эльф.

- А если бы вешали точно такого же ни в чем невинного онгье?

- Кен, ты уймешься?

- Не уймуся! Получается, мы спасли этого человека только потому, что он ваш друг!

- Да! - внезапно рассвирепел эльф. - Только поэтому! И если ты не перестанешь меня допытывать своими вопросами, то побежишь следом за нами на своих двоих. Понятно?

Свои слова Ириен подтвердил болезненным тычком под ребра твердым, как молоток, кулаком. Обиженный юноша затих. Память о похмельных побоях еще была достаточно жива, и Кенарду совсем не хотелось провоцировать злого эльфа на драку. Альс нервничал, а в таком состоянии он плохо контролировал свой гнев.

Путешественникам пришлось углубиться в лес подальше от дороги, чтоб их никто не потревожил. И пока Кен разжигал костер и готовил ужин из того небольшого запаса продуктов, который у них имелся, Альс занимался избитым онгье.

- Какие демоны занесли тебя в Игергард? Да еще в такое время.

- Времена не меняются, Ирье. Или ты хочешь сказать, что мне сейчас в Игергарде опаснее, чем тебе?

- Не хочу. Но ума у тебя не прибавило, Аннупард Шого!

- Куда уж нам-то до вас, мудрых долгожителей, - ехидно прошепелявил онгье. - А-й-й-й!

- Не дергайся! Потерпи еще немного.

- Я всю жизнь тебя терплю.

В каждом движении, в каждом жесте эльфа по отношению к человеку было столько... внимания?... заботы?... Кем бы ни был этот Аннупард Шого, Альс действительно считал его своим другом, а может быть, даже побратимом. И, видимо, подобная забота была для них обыденным делом, чем-то, не требующим объяснения.

- Я так и знал, что ты появишься... Ух! - Онгье тяжело охнул, когда тонкие пальцы Альса коснулись кровоточащего мяса над правым глазом, в которое превратился весь его лоб. - Бороду сбрил, дурак старый! Думал, не узнают.

Эльф поглядел на него вопросительно.

- Верись, увидел, как жмурика несут на погост, и рука сама сделала знак Вечного Круга, - охотно пояснил Пард. - Привычки - хорошие слуги, да плохие хозяева.

- Могли ведь и вздернуть.

– Н-да... было бы обидно вдвойне, – согласился смиренный, как жертвенный агнец, оньгье. – Тем паче, что ланга снова собирается. Давно пора.

– Кто сказал? – вскинул брови эльф.

– А чего, теперь о таком деле принято писать прямо на заборах? – ядовито ответил вопросом на вопрос Пард. – Я Сийгина видел не так давно. Мэд с Тором еще с зимы перебрались в Игергард. Ты да я – вот тебе и ланга.

Альс ничего не ответил, продолжая обработку ран оньгьенца с таким рвением, будто не слышал и не видел ничего кругом.

– А ты откель будешь, вьюнош? – любопытствовал Пард после продолжительного разглядывания Кенарда.

– Из Ветланда, – с достоинством заявил Кен и представился, как положено, с поименованием рыцарского звания, собственного и родового имени.

– Вона что! – присвистнул оньгье.

Тем временем Альс занялся рваной раной на спине. Раненый заткнулся, плотно сжимая зубы, чтобы не стонать от боли. Зато у Кена появилась редкая возможность рассмотреть все разновидности шрамов: от тонких, вроде светлых ниточек, до жутких жгутов с переливами синевато-багрового перламутра. Эльф шил аккуратно, почти встык, и, судя по всему, дубленая шкура оньгье уже не единожды испытывала его искусство хирурга.

– Все. Готово! – объявил Альс.

Он лично наложил в деревянную тарелку Парду допревшей каши, выбрав самое неподгоревшее, посолил ее и сунул в руку кусок лепешки. Затем последовала добавка. А уж потом они с Кеном поделили остатки. После чего ветландец был сослан мыть посуду.

Эльф посмотрел в глаза человека пристально-пристально, словно вглядываясь во что-то одному ему ведомое.

– Я рад тебя видеть снова. Сам не думал, что буду так скучать, – признался Альс без доли смущения.

Человек странно улыбнулся в ответ. Он постарел. Шутка ли, пятый десяток к концу уж близится. Нет, сила еще есть, и сноровка никуда не делась, даже глаза той же пронзительной небесной голубизны, не выцвели ничуть. Может быть, поумнел маленько, и то вряд ли, ежели судить по недавним событиям.

– Альс, ты хоть теперь-то понял, что не след было нам расставаться?

– Понял, – согласился эльф.

– Слава Вечному Кругу! Мы все умрем когда-нибудь, но это не повод предавать старую дружбу и выбрасывать из жизни лучшие годы. Поверь, эльфище! – воодушевился Пард.

– А ты хоть понимаешь, что мброттское пророчество никуда не делось? Оно того стоит?

Эльф не ерничал и не язвил. Не тот случай. Никому не хочется умирать прежде срока, Пард тоже не был исключением из правила.

– Но побороться все равно нужно, – уперто гнул свое человек.

Они немного помолчали, продолжая украдкой разглядывать друг друга. Ириен по прозвищу Альс не изменился внешне ничуть. Да и что может сделать время с эльфом? Глаза все те же. Эти сияющие сокровища, которые двадцать лет назад заморозили дезертира-оньгье, не потеряли ни блеска, ни притягательности. Пард с тех пор научился читать в них, как в книге. И он без всяких пояснений уже знал, что эльф перешел ту невидимую черту, которая странным образом отсекает «вчера» от «завтра». Будущее Альса было сочтено, и теперь он мог идти только вперед, наперекор всем проклятьям и пророчествам. И он шел. А Пард собирался разделить этот путь с другом. Иначе на что существуют ланги?

– Расскажи мне про Джасс, – произнес Ириен внезапно осипшим голосом.

Оньгье как-то странно хмыкнул:

- Она проплакала целый день, потом поела с моей подачи и спать легла.

- Кто с ней остался?

- Никого. Всех прогнала.

Альс молчал, а онгье продолжил:

- Тор вернулся в Ролло, Сийгин следом за тобой махнул за море. В Тэссаре теперь лучшим полусотником служит, женился, дите родил. Мэд потолкался еще в Маргаре, а потом подался в Игергард. Мне тоже поднадоел Инисфар, и я отправился в Даржу.

- Куда?! - не сдержал возгласа изумления Альс. - Ты же клялся, что ноги твоей не будет там.

- Ну, до клятвопреступления дело так и не дошло, - хмыкнул онгье. - Задержался в Банбане. Помнишь такой городок?

Эльф пожал плечами. Мало ли городков в Великом Маргаре?

- Лес сплавлял по реке. Целую зиму прожил в горах с артелью. Чуть не женился... Н-да... Не сложилось. Видно, не до конца вычерпали мы свою судьбу. Рано разбежались. В Джасс словно все демоны вселились, завела делишки с Дрэгором Банном.

- А Ярим?

- А я ему нянька? - фыркнул злорадно Пард. - Принц - птица гордая. Не знаю, что там удумал Ярим. И где он теперь, не знаю, точно так же, как и про Джасс больше ничего слыхом не слыхал.

Узкое лицо Альса исказилось судорогой.

- Я найду ее. Она в опасности.

– Она, по-моему, в опасности с той самой поры, как из материнской утробы вышла. Хотя... ей, видно, на роду на писано весь свой век с эльфами хороводиться. Хм... да и мне тоже. То-то, я смотрю, ты весь как ищейка. Чуешь ее?

– Дурацкое слово...

– Сам дурак! Такую бабу кидать нельзя. Вы ведь когда смотрели один на другого, чуть кожу не сдирали взглядами.

– Ты бы закрыл пасть, – неласково посоветовал сварливый эльф.

– Уже. Закрыл и дрыхну. И тебе советую. Вон парень твой уже устал пялиться на нас из-за кустов. Эй, малый! Мы уже закончили секретничать. Спать будем.

Разумеется, вредный эльф первым поставил сторожить Кенарда. Но тот не сопротивлялся. Все одно не смог бы заснуть. Столько новостей за один раз. Так и башка по швам треснет от избытка раздумий. Не настолько был начитан и образован молодой ветландский рыцарь, чтобы знать, о какой такой ланге велась речь, но от одного этого слова у него холодело в груди, спазмы стискивали горло, а невидимый ветер обжигал лицо. «Ланга, ланга, ланга...» И слышались Кенарду легкие шаги, разговоры на шипящем незнакомом языке, и холодное синее пламя плескалось под веками. Имена, имена... орочье, тангарское, людское, эльфийское. Кто же они? Те, кого собрала ланга? Ему было страшно любопытно и до смерти хотелось узнать, кто такая Джасс, от одного только упоминания имени которой у эльфа менялся голос. Как-то не укладывалось в голове, что Альс может испытывать нежные чувства, любить женщину, тосковать за ней. В Тэвре, пожалуй, не нашлось бы ни единого человечка, который поверил бы в такую ересь. Эльф был сплетен из жестких сухих ремней, лишен какой-либо сентиментальности, даже его доброта и участие по отношению к детям тэврского барона выглядели как-то неестественно, точно мясистый нарост на старом, корявом дереве. «Джасс...» Шелест извлекаемой из ножен стали, завывание ветра, беспокойство и опасность. А что?! Вполне даже подходящее имечко для подруги такого существа, как мастер Альс. Кену представлялась эльфийка – прекрасная, ледяная, высокая, этакая женская ипостась самого Ириена.

За фантазиями и размышлениями время пробежало так быстро, как только это возможно. И Кен не поверил собственным ушам, когда услышал за спиной недовольный голос эльфа:

- Ложись спать, недремлющий страж.

Как, уже?

Кен готов был присягнуть, что в этот момент вроде как бы спящий господин Шого тихонько хихикнул. Друзья у Альса были ему под стать.

Дальше они поехали уже втроем. Вернее, сначала Альс купил у проезжего барышника смирного молодого мерина, не пожалев серебра, но изрядно потрепав торговцу нервы изнурительным торгом не на жизнь, а на смерть. Кенард как-то сразу воспылал приязнью к Парду, оценив тот, безусловно, положительный момент, что, во-первых, онгье оказался человеком открытым, искренним и приятным в общении, а, во-вторых, внимание Альса теперь безраздельно посвящалось вновь обретенному другу и, в-третьих, можно было просто расслабиться, не ожидая ядовитых окриков эльфа.

Этим двоим было чем заняться. Они разговаривали. Все разумные существа любят болтать меж собой, но в данном вопросе лангеры превосходили всех. О чем только не услышал Кен в промежутке между Бирном и Ала-Ром. О нравах даржанских наложниц и моде на собак. О леших погодах в Великой степи и климате в тюрьмах Ан-Риджы. О корабельных снастях и чудной штуковине, позволяющей смотреть на звезды, под названием телескоп. О маргарских разбойниках и жрецах, о золотоискателях с Хейта и оллавернских колдунах, о шелковых подштанниках и волшебных артефактах, о лесосплаве и кролиководстве. Слушать, не переслушать. И молодой человек к концу дня уже ерзал в седле, с нетерпением дожидаясь очередных посиделок после сытного ужина, когда оба лангера, устроившись поудобнее на одеялах, заводили свои долгие беседы. Кен беспрекословно исполнял все поручения и затихал, как мышь, дабы, упаси боги, не привлечь к себе внимания. Бывало, он и засыпал под журчание их голосов, не тревожимый до самого утра.

Однажды Кен проснулся еще до восхода солнца, разбуженный прохладой утреннего тумана, откинул влажное от росы одеяло и увидел картину

невероятную. До того неожиданную, что пришлось для пущей достоверности протереть глаза. Вдруг это сон такой.

Эльф бродил между деревьями рощицы, под покровом которой они давеча заночевали, по пояс в тумане, сам похожий на призрак, и словно разговаривал сам с собой. Тонкие пальцы скользят по коре, губы шевелятся, и между ресницами сияет расплавленное серебро. И ведь не безумие, не горячечный бред после долгого запоя. Не смешно даже. А наоборот, хочется плакать от ощущения присутствия при разговоре с самим Создателем, похожем на удивительное таинство. Журчат ритмичные слова на забытом всеми языке, а о чем оно, не понять. Понимание ускользает, как шелковая нить из рук, как радуга на горизонте, лови не лови.

Кроличья Луна балует, не иначе.

– Красиво... – тихо сказал Пард.

– Очень, – согласился Кенард, бросая украдкой взгляд на задумчивого оньгье. – Не понимаю...

– Чего?

– С кем мастер Альс говорит...

– С ветром, с туманом, с землей, с весной, – сказал тот. – Он ищет ответы там, где никто иной не сможет.

– Странно...

– Тебе предстоит еще много чего узнать странного, вьюнош, – сказал Пард. – И чего ты за эльфом увязался? Жил бы, как все.

– Я из Ветланда, – пояснил Кенард, считая свое происхождение достаточным основанием для любого сумасбродного поступка.

– И в Ветланде, я слышал, люди живут.

- Тоже мне жизнь! - вспыхнул Кенард негодованием. - Загнивание и тоска.

Оньгье не сдержался и хохотнул в кулак.

- Ага! Вот в чем дело! С Альсом не сгниешь от тоски, это ты верно подметил. В безвременной могиле - да, а от тоски-печали - ни в жизнь.

Кенард обиделся. Перечить немолодому здоровиле он не хотел, но и соглашаться не торопился.

- Мое дело!

- Спору нет - твое. Я ж не отговариваю, поздно уже, пропала птичка. Тебе теперь без эльфьих выдумок жизнь не в жизнь покажется. Понимаю. Сам такой.

Круглые и по-детски изумленные глаза ветландского рыцаря порядком развеселили Парда. Парень испугался, испугался непонятно чего.

- Тебе пояснить? Сам не видишь? - спросил оньгье участливо.

- Нет! Поясни, - бодро ответил Кен, сглатывая вязкую от страха слюну.

В животе стало холодно и пусто. Есть такая шутка... Пард угадал ход мыслей молодого человека и отрицательно замахал руками, мол, не так понял.

- Нет, никто тебя не заколдовывал. Тут другое дело. Совсем иное. Он, - оньгье кивнул на Ириена, - ну, как тебе сказать, точно узел на ткани жизни.

Понимаешь, о чем я? На Альсе много чего завязано, Судьбой, Выбором, можно так сказать. Альс тебе не просто так - эльф с мечами. Он особый. Разве ты не видишь? Посмотри внимательно, парень. Вишь, ходит себе, разговаривает...

- Вижу...

- Так то не эльф, то сама судьба, - значительно сказал Аннупард и добавил: - Теперь она и твоя тоже. Не жалуйся потом.

– А что будет?

– Мы все умрем, – весело подмигнул оньгье.

– Мы и так умрем.

– Но не своей смертью.

«Ну и хрен с ней, – вдруг неожиданно для себя подумал Кенард. – Не чужой же? Да и разве стезя воина не предполагает подобного финала? А если так, то чего переживать?» И сразу успокоился.

– Ну и пусть чужой, – заявил он Парду.

Оньгье посерьезнел и, пожевав почти по-стариковски губами, молвил:

– В том-то и дело, вьюнош, что чужой смертью помирать еще тяжелее, чем жить чужой жизнью.

– Зачем ты так сказал?

– А что – соврал?

– Нет, но...

– Парень связался с лангером, пусть хоть немного понимает, что происходит.

– Ну, не знаю...

– Я знаю. Людям всегда нужен выбор.

– Но его нет.

– Да, но пусть это будет иллюзия выбора.

- Хм... очень по-человечески...
- Да уж. Мы мастера питать иллюзии.
- Сомнительное достоинство...
- У тебя и такого нет.
- Тоже верно.
- Ото ж!

Семнадцатого числа месяца олот 1695 года Драйк Дэвис был жестоко и немилосердно вытолкан взашей из отцовского дома. Впервые за почти тридцать лет сын Верховного командора оказался в положении, в котором большинство его ровесников, вне зависимости от происхождения, пребывали уж с десятков лет, то бишь наедине с тяготами и лишениями обычной жизни. В дорогу ему лорд Далмэди выдал вполне увесистый кошелек с серебром, чтоб уж не совсем бросать наследника на произвол судьбы. А, кроме того, дадены были четкие инструкции, как в Ятсоуне отыскать лорда Эркклиффа, какая информация из его изысканий более всего необходима для дальнейших действий и что делать в Канегоре в ожидании эльфа. Память Драйка редко подводила, но лорд Далмэди все равно заставил выучить список наизусть. Не иначе как для того, чтобы лишний раз унижить сына в его же собственных глазах.

При себе у облеченного важнейшей миссией молодого человека имелся меч, с которым он умел неплохо управляться, целая торба свитков и книг, а также запас еды на три дня. Но покидать Орфиранг, да еще почти сразу после празднования Нового года, Драйку не хотелось категорически. Пришлось бы пропустить прелюбопытную встречу у давнего приятеля, на которой будет сама Танила – прима столичных подмостков, певица и декламаторша. К ней Драйк испытывал некий интерес. И тут следует отметить, что сына лорда Далмэди если и интересовали прелести красоты Танилы, то лишь как приложение к ее великолепному сопрано, которое в паре с его баритоном должно было произвести на собравшихся неизгладимое впечатление. А впечатление как раз и было тем самым желанным итогом, к которому так страстно стремился всю свою жизнь Драйк Дэнис.

Странное дело, молодому человеку, довольно успешно осваивавшему иностранные языки, изучавшему философию, читавшему труды мудрецов, коих обожал цитировать, не хватало в последнее время именно всеобщего признания. Он так привык, что с ранней юности окружающие люди, пообщавшись с ним, приходили в восторг от его эрудированности и ума. И плевать, что папаша смотрел на отпрыска с плохо скрываемым раздражением. Драйк фонтанировал цитатами, умело ориентировался в философских течениях, отличал астрологический прогноз от астрономического и лихо осваивал все новые и новые области искусства.

Но время шло, его бывшие однокашники обзаводились семьями, связями, титулами, землями и влиянием, вливаясь в высшее общество и становясь его частью. А Драйк продолжал фонтанировать, но никаких видимых материальных выгод его богатое воображение и развитая риторика не приносили. Любой другой человек на его месте уже либо с голоду бы сдох, либо принялся бы вить семейное гнездо. Но у Драйка был могущественный папа и очень мало настоящих забот о хлебе насущном. О, нет! Назвать Драйка светским бездельником значило бы сильно погрешить против истины. Лорд Далмэди пристроил его в Почтовую службу, где Драйк не только перекладывал папки в шкафах, но и выполнял кое-какие, не слишком афишируемые поручения своего отца. Жалованье, разумеется, целиком шло на... самосовершенствование.

Процесс самосовершенствования продвигался вперед невиданными темпами (по мнению самого Драйка), а процесс самоутверждения (к его же ужасу) серьезно застопорился. Вся беда заключалась в том, что все меньше и меньше окружающего народа испытывало по отношению к Драйку Дэнису восторженное восхищение. Знания его на поверку оказывались весьма поверхностными, а общественное положение сделалось не слишком привлекательным. Чиновник, хоть и облеченный функциями официального представителя Тайной службы, оставался чиновником. Ни денег, как говорится, ни славы. А хотелось и того, и другого. Очень, очень хотелось, надо заметить.

Жениться Драйк не хотел, потому что не видел вокруг подходящей своему уровню развития кандидатуры среди девушек более низкого происхождения, а богатые невесты поглядывали мимо. Богатым девушкам требовались дворцы, драгоценности и наряды, чего у сына Далмэди не только не было, но и не предвиделось в обозримом будущем, ведь кроме него у лорда Дэниса имелось еще двое старших сыновей.

Однако Драйк так и не сумел пересилить свое желание спеть дуэтом с прекрасной Танилой и задержался в Орфиранге еще на пару дней. До условленной встречи в Канегоре у него было почти две дюжины дней. Куда торопиться? Зато, когда эйфория от снисканного у слушателей успеха кончилась, Драйк не на шутку перепугался гнева батюшки. Лорд Далмэди мог и на Запретном острове заточить.

Поэтому он что есть силы пришпоривал своего коня, чтобы поспеть в Ятсоун, и, будучи наслышан о вспыльчивом характере лорда Эркклиффа, мысленно готовился к ругани и выговору.

Ятсоун не пострадал во время последней войны, хотя армии Оньгъена отчаянно рвались к его стенам в стремлении стереть оплот мерзостного язычества. Но ни Хальдар, ни Тианда не пожалели сил и средств, чтобы защитить древний город, да и ополчение оказалось на высоте. Плоская, как стол, долина Яттса за несколько лет возродилась из пепла. Люди, орки, тангары и эльфы совместными усилиями отстроили городки и деревни, распахали истоптанные конницей поля, очистили колодцы, и лишь кое-где сожженные, корявые стволы на месте знаменитых яблоневого сада свидетельствовали об огненной поступи битв. Ятсоун вырастал из своих зеленых пригородов, словно диковинный яркий цветок. Купола храмов Старых богов, выкрашенные в традиционно яркие цвета, похожие на рукотворные холмы, высились над низкими домами горожан, над священными рощами, маня к себе неисчислимые тысячи паломников со всего континента. И если Даржа превосходила Ятсоун по количеству священных мест и пышности храмов, то именно последний всегда считался центром, где проходило обучение все жречество, особенно высшее.

Драйк с радостью влился в толпу паломников, стремившихся в Ятсоун к Арамидию – празднику встречи весны, который в наступившем году обещал пройти с особой пышностью. За несколько дней, проведенных в дороге, Драйку пришлось ограничивать себя не только и не столько в еде, сколько в разговорах. Немного здорового флирта в придорожной корчме не в счет. Он истосковался по содержательной беседе и возможности испытать собеседника на прочность своими вопросами касаясь совершенно разных сторон жизни.

Поэтому Драйк сразу же присмотрел себе группку, состоявшую из четырех паломников примерно одного с ним возраста и достатка. Двое шли в храм Оррвелла, если судить по повязкам на лбу, а их товарищ, облаченный в траурные одежды, направлял стопы в обитель Двуетного. И возглавлял

шествие жрец Аррагана в синем балахоне Посвященного шестой ступени. Довольно молодой мужчина с жестким и властным лицом прирожденного карьериста. Странная компания сразу привлекла внимание Драйка. Ему давно хотелось поделиться своими соображениями относительно божественных понятий с жрецом такого ранга.

Папаша Дэнис всегда знал, что его сыночек может присоединиться к любой компании. В чем в чем, а в этом у Драйка имелся подлинный талант. Пожалуй, жрец и не сумел отметить тот момент, когда проезжий молодец явно светской наружности стал его новым знакомцем и собеседником. Слово за слово, и вот уже жрец слышит произносимое самым задушевным тоном:

– А можно вопрос?

Соглашается. И все, коготок увяз.

Люди любят, когда их слушают, когда у них спрашивают совета, когда их жизненным выводам внимают, и необязательно с раскрытым ртом. Вполне естественное чувство сопричастности, когда предоставляется возможность не только выговориться от души, но и сделать это под благовидным предлогом помощи ближнему. «Испроси совет и обретешь друга», гласит народная мудрость, но в старину еще добавляли: «А сделаешь так, как сам решишь».

Драйку советы нужны были всегда, хотя пользовался он ими не так часто, как следовало бы.

– Я даже подумывал о том, чтобы начать учить людей хорошему. Вот как вы!

– Поздновато, конечно, – сокрушенно вздохнул жрец. – Служение начинается с раннего детства.

– Да я знаю, но ведь не только же в храме можно нести в народ просвещение?

– Вы желали бы преподавать в школе?

Нет, учить детишек читать «сорок восемь божественных откровений» Драйк совсем не хотел. Он хотел нести в народ свет добра и истины. Не больше, но и не

меньше.

– Знаете, дарр, СКОЛЬКО людей утверждали, что то, что я им говорю, к чему призываю и чем занимаюсь, носит очень хороший, как они выражались, характер? Поднимающий просветляющий и одухотворяющий!

– Это в вас говорит ваша гордыня, – снисходительно улыбнулся жрец и подумал:
– «Ну надо же, какой возвышенный и духовно развитый юноша!»

Ему было приятно думать, что на свете живут не только завистливые, злобные и коварные гады вроде его коллег по служению, но и добрые, умные и начитанные молодые люди, мечтающие о торжестве добра и справедливости.

– Можно еще вопрос?

– Можно.

– Вот скажите мне, уважаемый дарр, в какой степени допустима гордыня в отдельно взятом человеке?

– Гордыня греховна, потому что подразумевает вознесение человека до уровня Творца, что невозможно в принципе.

– А во мне очень много гордыни, дарр! – честно признался Драйк. – А еще поверхностность, летучесть, спешка, всезнайство и, видимо, банальный эгоцентризм.

Признаваться так признаваться, раскаиваться так раскаиваться, тем более что жрец-то уж может оценить по достоинству степень душевного самокопания своего нового знакомца. К беседе постепенно присоединились и остальные паломники. Теперь Драйк чувствовал себя, как рыба в воде, и был совершенно счастлив, пока вся группа благополучно не достигла ворот Ятсоуна. Там случайные попутчики разошлись каждый по своим делам. А Драйку Дэнису пришлось вспомнить, что его в Ятсоуне ждет ответственное поручение и лорд Эркклифф собственной персоной. Несмотря на свой удивительный образ жизни, сын лорда Далмэди не чурался светских разговоров и доподлинно знал, кто кому и кем приходится. Лорд Эркклифф представлял интересы вдовствующей

королевы Миариль, пребывая вот уже более десяти лет ее бессменным помощником и советником. И простых заданий легату королевы не поручалось. Драйк должен был отыскать своего визави в одной из гостиниц, расположенных при храме Оррвелла. Искать пришлось долго. А если учесть, что по дороге попадает множество лавок, лавочек и лавчонок, где можно купить... лучше спросить, чего там нельзя купить, то дорога заняла в три раза больше времени, чем, могла бы при большей степени целеустремленности. Драйк сунул свой нос во все попавшиеся по пути полупустые храмы Пестрых богов, понаблюдал за процессией жрецов Яххана, готовящихся к высадке нового дерева в священной роще, съел пирожок с мясом, пока добрался до искомой цели.

Комплекс храмовых зданий представлял собой город в миниатюре. Сам по себе храм, тяжелой громадой возвышавшийся по центру, был окружен сотнями других построек, от барачков для паломников до купален, птичников и свинарников.

От центральных ворот широкая аллея, усаженная столетними оххрами, вела прямо к храму. В предпраздничные дни она была запружена народом до такой степени, что Драйк просто диву давался, как храмовая стража управлялась с такой громадной толпой. Впрочем, стражники в сине-белых туниках внушали уважение отличной выправкой и грозным видом. Большею частью эти здоровые крепкие парни были либо детьми жриц, либо подкидышами. Храмы Оррвелла всегда принимали излишние людские рты. Есть тысячи причин, почему ребенок становится ненужной обузой и помехой для собственных родителей или для одинокой родительницы. Когда в крестьянской семье рождается одиннадцатая девочка, то никто из родни не рад ее появлению на свет. Когда девчонка-прислуга приживает дитя от господина или его сына, то радости материнства ее, как правило, тоже минуют. А за детоубийство во всех цивилизованных королевствах полагается виселица. Но добрые жрицы Хранителя всегда принимали детишек, не испрашивая ни рода, ни имени. Надо ли доказывать, что паства Оррвелла год от года становилась все обширнее и многочисленнее?

Гостиница находилась практически рядом, чтобы небедные паломники могли наслаждаться отдыхом после утомительных молений. Было бы удивительно, если бы лорд Эркклифф поселился в менее престижном и комфортном месте. Драйк и сам не отказался бы пожить здесь пару деньков, чтобы вдоволь побродить по Ятсоуну и удовлетворить свое ненасытное любопытство. В этом городе всегда есть на что посмотреть. Возможно, он бы так и поступил, если бы...

Попросив хозяина гостиницы пригласить столичного гостя и удобно разместившись в кресле возле камина, Драйк и знать не мог, что уготовила ему судьба. Для начала она заставила вздрогнуть от дичайшего вопля, который переполошил всех слуг. Хозяин продолжал верещать, перемежая вопли причитаниями, что вселило в душу господина Дэниса некоторое беспокойство. Как правило, так не закричит самый чистоплотный хозяин заведения даже при виде самой огромной крысы на свете. Драйк поднялся по лестнице и понял, что ему стоит обеспокоиться еще сильнее. Дверь в комнату была распахнута, на ее пороге топтались перепуганные слуги во главе со своим несмолкающим работодателем. И когда Драйк заглянул ему через плечо, то понял, что попал в очень-очень неприятную ситуацию.

На полу посреди дорого обставленной комнаты лежал мертвец, а под ним растекалась большая кровавая лужа. Лорду Эркклиффу перерезали горло от уха до уха. И для Драйка Дэниса это была подлинная катастрофа. Сын Далмэди прекрасно понимал, что раз лорд Эркклифф убит, то все те важные сведения, что он добыл здесь, в Ятсоуне, исчезли, а следовательно, в Канегор, где назначена встреча с эльфом, ему ехать не с чем. Драйк пришел в ужас. Если бы не певческие опыты, то он оказался бы в Ятсоуне на три дня раньше, а следовательно... Выходит, что он по глупости своей подвел не только собственного папашу, но и всю Тайную службу, а заодно и вдовствующую королеву, чей советник лишился жизни, не успев исполнить свою миссию до конца. И это уже можно расценивать как государственную измену. За меньший проступок любой агент Далмэди отправился бы тотчас на эшафот. Призрак лобного места со свежей деревянной колодой и топором, в нее вонзенным, навязчиво замаячил пред мысленным взором молодого человека. Потрясенный вероятной перспективой сурового наказания, он застыл на месте недвижимо, как столб. Мысли бешеным калейдоскопом мелькали в гудящей от напряжения голове. Можно было забыть о том, чтобы удариться в бега. Папаша найдет и выроет из-под земли где угодно. Предупредить командора Элверта поздно, он как раз на полпути из Фадара в Квилг. Можно вернуться в столицу и пасть батюшке в ноги, но никакой уверенности в его прощении у Драйка не оставалось. В крайнем случае инсценировать покушение на самого себя тоже нетрудно, но... рано или поздно все тайное станет явным.

Драйк, разумеется, был человеком легкомысленным, но вовсе не подлым, чтобы опуститься до такого мерзкого обмана. Кроме того, он вполне отчетливо ощущал свою вину за провал всей операции. И искренне желал исправить ее в меру возможности. Вдовствующая королева внушала ему бесконечное уважение, и подводить ее хотелось менее всего.

– Разрешите! – сказал он самым суровым голосом, на какой только был способен.

Сам не ожидая от себя такого хладнокровия, Драйк Дэнис показал хозяину гостиницы охранную грамоту Тайной службы и с небывалой тщательностью осмотрел место преступления и мертвое тело. От вида и запаха крови его воротило, но молодой человек надеялся, что ему удастся обнаружить хоть какую-то зацепку. Скорее всего, то, что нашел Эркклифф, убийца забрал с собой. Даже не скорее всего, а точно.

«Оррвелл всемогущий! Ну хоть что-нибудь! Хоть ниточку, хоть кусочек!» – мысленно взывал Драйк, приходя в полное отчаяние.

И то ли подействовало близкое расположение храма Бога-Странника, то ли простой испуг помог мобилизовать внимание и проявить чудеса бдительности, но Драйк вдруг заметил то, что еще несколько мгновений назад упускал из виду. Крошечный обрывок бумаги, зажатый в ладони покойника. Потребовались титанические усилия, чтобы преодолеть отвращение и вытащить кусочек из пальцев, не померев при этом от ужаса.

«...еразрывная связь меж духом и телом Воплощения способствует переносу...» прочитал Драйк и впал в полнейшее уныние.

Поначалу Драйк Дэнис растерялся полностью и не на шутку. Главное и самое страшное, что спросить совета о дальнейших действиях в этом случае было не у кого. Рядом – ни отца, ни братьев, ни командора Элверта, и даже госпожи Дллави – учительницы по оролирсу нету, а она никогда не отказывала в советах по любому поводу.

Пребывая в расстроенных чувствах, Драйк отправился в трактир, припомнив старую истину, что на сытый желудок думается лучше. И в промежутке между луковым супом и жареной курицей его посетила гениальная в своей простоте мысль, подтвердив тем самым вышеупомянутую истину.

Лорд Далмэди говорил истинную правду, утверждая, что его отпрыск может заговорить кого угодно и при удачном стечении обстоятельств сумеет выдать желаемое за действительное. Ведь, судя по всему, эльф в Канегоре тоже не знает, что приготовил для него лорд Эркклифф, а следовательно, клочок бумажки

можно выдать за искомую информацию. Мол, за что купил, за то и продаю. И пускай эльф сам разбирается.

Придумав такую комбинацию, Драйк повеселел, заказал себе пиво и всего после двух кружек обрел наконец душевное спокойствие. Великое искусство убеждать себя в собственной правоте еще ни разу его не подводило.

День клонился к вечеру, а конца представлению видно пока не было.

– Сейчас будет следующий, – деловым тоном сказала девчонка и насыпала Малагану полную ладонь леденцов.

И точно – дверь постоянного двора распахнулась в очередной раз, и полуживое тело вылетело из него, спланировав напрямик в жирную вонючую лужу. Брызги летели во все стороны, но до стоящей возле коновязи парочки не долетело ни капельки. Вот что значит удачно выбранное место.

– Это парень из Выселок, – обрадовалась непонятно чему орка. – Я его знаю.

– Ты мне лучше скажи, когда все это кончится? – лениво поинтересовался лангер, отправляя в рот липкую конфету. Чем-то же надо заняться.

Девушка задумчиво поглядела на раскиданные по двору тела, потом почесала спину и живот одновременно и молвила с самым невинным видом:

– Еще осталось трое. Тикра, Кэсил и Ушастый...

Мэд прикинул мысленно среднюю скорость выбрасывания драчунов и решил, что сможет подождать. У него было слишком благодушное настроение. Да и пачкать свою добротную одежду совсем не хотелось. Тем более что, похоже, для местных жителей драки на постоялом дворе были делом обыденным, как запах навоза в коровнике. Добровольная Малаганова собеседница, юная орка из касты ко-мер – «дневных», с сине-зеленой змеей кастовой татуировки вокруг тоненькой шейки, с удовольствием и подробнейше описала тутошные нравы, нежданно-негаданно обретя свободные и, самое главное, заинтересованные уши. По всему выходило, что Игергард в плане традиций мордобоя мало чем

отличался от Маргара. Драки между молодыми бугаями с соседних улиц на почве выяснения, кто сильнее, оставались в чести и тут и там вот уже которое столетие. Мэд устал задаваться вопросом, почему такого идиотского обычая нет среди эрмидэйской молодежи. Ответа на него не существовало. Ну не принято было на островах ходить стенка на стенку.

Тем временем очередной соискатель славы кулачного бойца проехался пузом по смердящей жиже, всхрапнул и затих.

- Это сам Пьенто! - изумилась орка. - Что-то случилось...

И тут из дверей один за другим посыпались тела. Малаган предположил, что кому-то из добропорядочных постояльцев сие непотребство надоело. И он оказался прав. Когда последний из возмутителей спокойствия очутился в общей стонущей и матерящейся куче, наружу вышел довольно молодой мужчина вполне обычной наружности, рукава его льняной рубашки были закатаны до локтей, а косточки пальцев покраснели и опухли. Он явно был удовлетворен проделанной работой. Во всяком случае, бледные его губы расцвели улыбкой.

- Bravo, сударь! - сказал Мэд. - Ловко у вас вышло.

Мужчина немного смутился.

- Если бы я не вмешался, то не осталось бы ни одного целого стула.

- А хозяин?

- Дык хозяин принимает ставки, - пояснила непонятливому островитянину девушка.

- И как у него настроение?

- Пивом сегодня угощает бесплатно. Он сорвал большой куш, - отозвался герой дня.

Такой расклад Малагана вполне устраивал. Его кошелек был полон, но, если есть возможность сэкономить, то грешно отказываться. Тем более что орка решила

составить ему протекцию в собственном лице. Она доводилась хозяину гостиницы племянницей и из родственных чувств не хотела, чтобы приличный постоялец раскошеливался в другом месте.

Внутри царило радостное оживление, несмотря на полнейший разгром. Слуги уже начали уборку. Видимо, это занятие уже настолько вошло в привычку, что все проделывалось с невероятной скоростью и сноровкой.

– А почему бы не устраивать драку на дворе? – лениво любопытствовал Мэд. – Меньше все-таки убытку.

– Наши парни славятся своими кулаками аж на полпровинции, и к нам приезжают бойцы из других городов. А на дворе грязно, там свиньи ходят...

– Ну так построили бы специальный сарай для таких дел.

– И то верно! – удивленно воззрилась на нового постояльца девчонка. – Слышь, дядька Руфийн, чего говорит... Грит, можно построить сарай для кулачного боя.

Орк почесал в затылке. Его блестящее смуглое лицо выразило серьезнейшую работу деловой мысли, желтые глаза загорелись азартом, и даже ноздри стали раздуваться так, словно он уже учуял запах серебряных монет.

– А чё?! С помостом, с лавками для глядетелев! И пущай се месятся!

Мужчина, раскидавший толпу драчунов, уважительно покосился на Мэда:

– Прекрасная мысль. В вас присутствует немалая деловая смекалка, господин...

– Малаган.

– А меня зовут Валлэ из Равила, – вежливо представился тот. – Землевладелец.

Сказано было так, словно от услышанного эрмидэец по меньшей мере должен был подпрыгнуть от восторга. Но Мэд впервые слышал про этот самый Равил и даже слабо себе представлял, в каких землях находится сей достойный град. Внешность господина Валлэ не давала ответа на вопрос о его истинном

происхождении. Совершенно невыразительный взгляд зеленых глаз как приложение к незапоминающейся внешности. По мнению островитянина, весьма сомнительное достоинство, которое ценно лишь в агентах тайных служб. Но сей Валлэ на шпиона не походил. Да и не стал бы человек, состоящий на казенной службе, вмешиваться в обычную драку.

Что радовало путешественников по славному игергардскому королевству, так это расценки на жилье и еду. В Инисфаре на те деньги, что Мэд тратил здесь за целое шестидневье, можно было с трудом протянуть только от заката до рассвета. Потому Малаган чуть ли не с радостью расплатился за свой постой. Три серебряных ягра за пять дней, да где такое еще может быть?

- Желаете развлечься, сударь? - прошебетал рядом резкий голосок.

Мэд неторопливо оглянулся, чтобы обозреть обладательницу приторно-сладкого запаха дешевых духов вперемешку с засахаренными конфетами. Дочь человечья едва доходила росточком островитянину до плеча, была белобрыса, тоща, востроноса и, похоже, торговала единственной выдающейся частью своего тела - пышным бюстом. Сие чудо природы вызвало у Малагана некое замешательство, потому что до сих пор он и вообразить себе не мог, что подобное изобилие способно произрастать на столь убогом постаменте.

- Тебе чего, кра...савица?

- Я спрашиваю, может быть, благородному господи ну потребно согреть постель? - бойко протараторила девица и бросила торжествующий взгляд куда-то за спину потенциального клиента.

Он проследил направление этого взгляда и наткнулся на трех размалеванных шлюшек - местный цветник плотских пороков. Многогрудая, видимо, была самой отчаянной из их числа.

- Будет, - просто сказал Мэд, ухмыляясь краем губ. - Вечером придешь в мою комнату.

Девица продолжала стоять рядом и растерянно хлопать ресницами. Она явно не рассчитывала на столь скорое согласие.

– Чего стоишь? Топай отсюда, – приказал Малаган.

Идея ему прилась по вкусу. В смысле согреть постель посредством живой грелки. От мысли, что ее можно еще использовать другим образом, по прямому, так сказать, назначению, у эрмидэйца к горлу подступала тошнота. Продажная женщина продажной женщине рознь, иные шлюхи могли дать большую фору кое-каким княжнам по части манер, красоты и ума. И с некоторыми... Но белобрысое существо с коровьим выменем вместо груди не вызывало ни малейшей соблазнительной мысли.

Девка поторопилась исполнить повеление и косолапой походочкой затрусилась в направлении лестницы, провожаемая участливыми взглядами товарок.

– Здорово! – завистливо молвил господи Валлэ, про наблюдавший всю сцену. – Вы умеете обращаться с женщинами, господин Малаган.

Тот пожал неопределенно плечами, не зная, что и сказать. С женщинами он обращался обыкновенно, не лучше и не хуже, чем с мужчинами, а также с лошадьми, собаками, кошками и прочими живыми существами. Демоны раздери, он же был аристократ по рождению. Кому как не ему уметь найти подход к любой женщине.

– Мне бы пообедать... – начал было он, обращаясь к хозяину заведения.

– Сей момент... Чего изволите?

– А что есть?

– О! – Орк мечтательно закатил глаза. – Каша с подливкой и домашняя колбаса!

Мэд приготовился услышать продолжение списка, но его не последовало. Нравы в игергардской глубинке были простые, и еда тоже изысками не отличалась.

– И?! – не поверил эрмидэ.

– Каша и колбаса... и пиво! – припомнил с трудом хозяин. – Я сваво слова держуся, сёдня пиво на халяву.

– Ладно, давай свою кашу, – фыркнул Мэд, убедившись, что его светские привычки начинают мешать ему же жить.

Обед не заставил себя долго ждать. В трапезной народу было всего ничего. Мытари – старый и молодой с медными жетонами на плащах, да торговец шерстью с приказчиком. Даже вездесущий господин Валлэ, землевладелец, куда-то исчез, перестав утомлять взор своим унылым видом и невысказанным вопросом в глазах. Оценив по достоинству жирную деревенскую колбасу и рассыпчатую, с пылу с жару, кашу с изрядным куском масла, Мэд покидать залу не торопился. Он медленно ел, аккуратно отламывая кусочки от свежайшей лепешки и отправляя их в рот, запивая все это чуть разбавленным пивом. Самая лучшая возможность без помех подумать, а поразмыслить было над чем. Например, над тем, где теперь искать Парда. Определенно они умудрились разминуться в Кармале. И Мэд простить себе не мог, что так надолго задержался в дороге. Оставалось только надеяться, что онгье додумается отправиться в Ритагон.

– Вы позволите?..

– Позволю.

Господин Валлэ, по всей вероятности, решил, что Мэд, не ровен час, заскучает без его восхитительного общества. Он воспользовался расслабленным настроением лангера и водрузил седалище на лавку напротив. Вид его был печален и выражал мировую скорбь, как у Несчастливого Влюбленного из кукольного балагана, разве только на щеках черным углем не нарисованы были крупные слезы.

– Говорят, вы родом с самих Эрмидэев, – неуверенно пролепетал равилский землевладелец.

«Говорят!» – мысленно фыркнул Мэд. Его цвет кожи, лицо и прическа, его манеры и даже кличка его лошади не говорили, а прямо-таки вопили о том, где родился их хозяин. Тут не надо ни великого ума, ни проницательности больше, чем полагается человеческой природой, чтобы догадаться. А посему Мэд никак не отреагировал на не то вопрос, не то заявление господина Валлэ. На вкус Малагана, для человека, своими руками расшвырявшего толпу отчаянных драчунов, тот держался слишком скованно.

– Я часто бывал в Орфиранге и видел ваших соотечественников.

– Все может быть, – спокойно ответил Мэд.

– Что привело вас в Игергард?

– Жизнь в Тартоннэ с каждым годом становится все более и более однообразна, но я уже давным-давно покинул родину. Еще в ранней молодости.

– Я вас понимаю. Церковь Вечного Круга не слишком терпима к... инакомыслящим, – усмехнулся Валлэ.

– А вы, случаем, не адепт Церкви? – лениво полюбопытствовал Малаган.

Чересчур уж деликатно его собеседник заменил словом «инакомыслящий» слово «колдун». Ни нательного Круга, ни других отличительных знаков на господине Валлэ островитянин не заметил.

– О нет! – заверил равилец. – Просто, насколько я знаю, большинство эрмидэйцев, из тех, кто вынужден покинуть острова, обращают взор на юг. Даржа или Маргар более притягательны, чем Игергард.

– Я не исключение, – улыбнулся «инакомыслящий» Малаган. – Поначалу меня занесло именно в Даржу. В общем, я немало побродил по разным землям.

Он намеренно скомкал беседу, хотя мог бы пуститься в долгое описание своих странствий. Лишенное всякого объяснения чувство неприязни к господину Валлэ остановило бойкий язык эрмидэйца. А ведь ничего особенного в равилце нет. Обыкновенный человек, без капли дара, но то, что Торвардин смешно именовал «чуйство», нашептывало Мэду тревожные мысли.

– И куда вы намерены направиться? – продолжал вопрошать Валлэ.

– В Ритагон.

– Так нам по дороге! – обрадовался землевладелец.

«Где ты взялся на мою голову?» – обреченно подумал Мал Мэд.

– Поглядим, – неопределенно пожал он плечами.

Отделаться от господина Валлэ, против ожидания, оказалось проще простого. Едва только островитянин пригласил за свой стол племянницу хозяина постоянного двора, бледнолицый приставала поспешил откланяться. «Женоненавистник», – окончательно решил эрмидэец.

Шлюшка терпеливо дожидалась возвращения клиента, смиренно вытянувшись на кровати. Над одеялом сверкали только круглые зеленоватые глазенки и торчал нос. Мэд на девку внимания не обращал никакого, словно ее и в комнате не было. Он неспешно разделся, умылся из кувшина и развязал жгут на макушке, высвободив гриву из мелких косичек. В подштанниках и нательной рубашке, простоволосый и босой, эрмидэец вызывал у девчонки жгучее любопытство. Оставшееся между тем без всякой взаимности.

– Одевайся, милая, и выметайся, – заявил Малаган, кидая в девку ее же рубашкой.

– Чего?

– Проваливай, говорю. Ты мне постель нагрела? Нагрела. Боле не задерживаю.

– Так чего... не будем... э-э-э? – удивилась она и продемонстрировала свой необъятный бюст.

– Ты чего, спятила, красавица? Ты в зеркало-то смотрелась когда-нибудь? – спросил островитянин.

– А чо?

– А то, что спрячь свои телеса, ради всех богов. – Мэд поморщился: – Ты такую тяжесть таскать не устаешь?

– Все мое... – пропыхтела девчонка. – Вишь, им не нравится... всем нравится... мужик только рад... а этот?.. все высокородные – сволочи... только ночь угробила...

Она не на шутку обиделась и готова была вот-вот разреветься. Древнейшее из женского оружия, угроза слез, подействовало немедля.

– Я заплачу... – Он потянулся к кошельку.

– И за чего? Не, я – девушка честная. Мы к работе приученные...

Маленький подбородок взлетел к потолку, и разобиженная девица выскользнула за дверь в чем мать родила, сжимая рубашку в руке. Но не успел Мэд вздохнуть с облегчением, как она снова оказалась в поле его зрения.

– Ой!

– Чего «ой»?

– Там этот стоит... тип из Равила, – шепотом пролепетала шлюха и прижалась спиной к створке двери. – Можно, я подожду немного? Шибко боязно.

– А что, он тебе угрожал?

– Страшный он человек, это ж по глазам видно. Девки его как огня боятся.

Она стояла такая несчастная, голыми ногами на полу, трясущаяся не то от холода, не то от страха, что Мэд сдался.

– Ладно, ложись обратно, только в рубашке. Тебя как звать?

– Фивиль.

– Ты когда в последний раз мылась, Фивиль?

– Вчерась.

– Незаметно.

– Ну, третьего дня.

Ночи в начале весны бывают очень холодные, а сквозь щели в окне так и задувало ледяным ветром. Все равно нужно было быстрее согреться и, надо сказать, как показывает опыт, шлюхи в таких делах подходят не хуже иных других теплых предметов.

Девушка еще некоторое время робко пыталась снискать расположение Мэда в свою пользу, но быстро поняла тщету своих усилий, успокоилась и заснула. На ее счастье, храпеть она не храпела, иначе сразу бы была изгнана из постели. А вот Мэду не спалось. Попросту говоря, он не устал за минувший день настолько, чтобы заснуть сразу же, как упал на кровать. Спокойная жизнь в столице добавила Малагану барских привычек, но не в губительном для телесной силы количестве.

Первую половину зимы они с Торвардином провели в Орфиранге, потом перебрались в Квилг, а с первым теплом решили, что самое время собираться в дорогу и двигать в Ритагон. Удача, словно напоследок, решила одарить лангеров сполна всеми возможными радостями и удовольствиями. Женщины их любили бескорыстно, деньги легко лились в карманы, сами собой заводились друзья-приятели, а предчувствие скорого воссоединения ланги только придавало новых сил. Не побоявшись послевоенного отношения ко всем оньгье, в Игергард вернулся Аннупард. Где-то в Тессаре осел Сийгин. Как говорится, все один к одному.

А Мэд... он с каждым днем чувствовал в себе все новые и новые силы. Волшебный Дар удивительным образом развивался, опровергая его же недавние заверения о посредственности своих возможностей. У Малагана стали получаться те вещи, о которых он раньше не мог и помыслить. Например, магия превращений. Теперь ему ничего не стоило наложить на себя или кого-то другого обманную личину, отвести глаза и создать любую иллюзию. Видимо, та часть себя, которую Мэд отдал за жизнь младенца в Тартоннэ, оказалась также и чеком на предъявителя, который он сумел оплатить. Считается, что все изменения, происходящие в жизни человека, – к лучшему. Но у неудавшегося великого герцога Эрмидэев такого ощущения не складывалось. Невзирая на удивительные успехи в магии, он с каждым днем ощущал себя все более и более

отстраненным от жизни. Ледяной панцирь, растущий изнутри, свойствен всем сильным магам, и тут ничего не поделаешь. Другое дело, как все эти изменения обернутся для будущего ланги? Мысли Мэда плавно сместились на Ириена Альса. Эльф скоро даст о себе знать, без всякого сомнения. И тогда... О том, что случится после того как они все снова соберутся вместе, Мэд не пытался загадывать.

Наверное, стоит обвинить в излишней подозрительности Кроличью Луну, но мысли о господине Валлэ не давали Малагану уснуть. Он пялился в потолок, перебирая события прошедшего дня, строил всевозможные догадки и никак не мог смириться с недостатком фактов. Не дожидаясь, пока умственные мучения достигнут апогея, Мэд выскользнул из постели. В его сумке хранилось всё для необходимого ритуала. Более того, у Малагана имелся даже подходящий образец для личины. Для надежности он дал девушке вдохнуть ароматного снотворного зелья, и когда она стала дышать ровно и размеренно, приступил к основной части перевоплощения.

Тихий речитатив, плавность жестов, ясность мыслей и последовательность желаний – только так и плетется прихотливое кружево колдовства. Звук речи на староадале способен заморозить сам по себе, но только сила мага может преобразовать условные изменения в реальность. Мэд осторожно смочил пальцы в свежеприготовленном зелье, и по мере того как руки его обрисовывали черты Фивиль, происходило наложение личины на его собственное лицо. Загляни в этот момент в комнату кто-нибудь особо любопытный, точно спятил бы. Мэда окутывало легчайшее облако молочного цвета, временами оно шло радужными пятнами, иногда вспыхивало синеватым сполохом. Но в итоге выходило, что одна Фивиль спала на кровати, а вторая, точно такая же, неотличимая, стояла над ней и нашептывала себе под нос что-то неразборчивое.

Затем удачная копия открыла окно и с немыслимой для оригинала ловкостью вылезла наружу, прямиком на крышу навеса, который защищал крыльцо от дождя. Ступая как можно более осторожно и тихо, Мэд подобрался к окну господина Валлэ и приник к щели в ставнях.

Подозрения его не обманывали, и Кроличья Луна была совершенно ни при чем. Невинный землевладелец расставил на полу несколько серебряных светильников, и, поместив в центр многолучевой звезды матово-белый каменный шар, общался со своим невидимым собеседником на ти'эрсоне. На самом настоящем эльфийском языке, в котором Мэд, в бытность лангером, поднаторел

лишь в той мере, чтобы понимать только общий смысл разговора. Несложное заклинание обострило его слух до предела, но сквозь ставни до него доносились только жалкие обрывки фраз. Малаган затаил дыхание...

– ...я постараюсь, лорд Арьятири... командор Элверт... да, разумеется... перехватить... лорд Арьятири... эрмидэец... тот самый... ланга...

От звука имени злейшего Альсова врага Мэд дернулся и едва не свалился с навеса. Нельзя сказать, чтобы Малаган так сильно испугался. Зеленая Ложа обычно редко лезет в дела людей, но сама по себе представляет немалую силу и если уж начинает серьезную игру против кого-то, в данном случае против Альса, то малой кровью дело не обойдется. А значит, все правильно. Ланга должна снова возродиться. С этим убеждением лангер-маг вернулся в свою комнату.

Утро разбудило Мэда ударами топора по дереву где-то во дворе. Он проснулся сразу, но еще некоторое время прислушивался, пытаясь определить, что же, собственно, происходит. Деревьев рядом с постоянным двором он не приметил.

– Что ж это Руфийну-то с утра нейметя? – недовольно пробормотала Фивиль.

– А ты пойдешь погляди, потом мне скажешь, – посоветовал Малаган обманчиво ласковым тоном.

Непохоже, чтобы лангер обрадовался присутствию живой «грелки». Девушке полагалось исчезнуть еще до рассвета. Поэтому Фивиль послушалась беспрекословно.

– Чегой-то строят, а чего непонятно.

В отличие от гулящей девчонки, Мэд сразу догадался, что господин Руфийн решил поскорее воплотить давешнюю задумку в жизнь. Не исключено, что оборотистый орк всю ночь был занят подсчетом грядущих прибылей и, едва рассвело, распорядился начать постройку сарая для кулачного боя. О предприимчивости орков ходили легенды, уступавшие по красочности только байкам о вековой тангарской скупости.

Мэд выпроводил девушку, дав ей на прощание целый полусеребряный ягр в возмещении морального ущерба. Лишь бы исчезла поскорее.

– А что же господина Валлэ не видать? – спросил он как бы невзначай у хозяина постоянного двора, когда спустился в трапезную.

– Еще до рассвета убыл. Шибко торопился. Прямо пятки у него горели, – пояснил орк. – Чего на завтрак изволите?

– А что есть? – по традиции поинтересовался Мэд, но без всякого энтузиазма.

– О! – Глаза орка закатились под лоб от нескрываемого восторга. – Каша с подливкой и домашняя колбаса. – Ухмылка на его лице была самая что ни на есть издевательская. – И пиво, – добавил он, на радостях потирая ладони. – Но уже не за так, а за деньгу.

Кто сказал, что в провинции живут одни лишь доверчивые простаки?

Глава 3

СЛУЧАЙНОСТИ ВСТРЕЧ

Женщины бывают разные... А у некоторых еще и меч есть.

Джасс, человек. Весна 1695 года

Утро случилось серое, холодное и неуютное. С тяжелых небес сочилась мелкая водяная пыль, мгновенно пропитывающая волосы и одежду всякого, кто встретил этот рассвет не в тепле собственной постели. Волны лениво накатывались на грязно-желтый песок, хрипло кричали чайки, а черные мокрые скалы стали невольными немymi свидетелями того, как к берегу медленно

причалила лодка. Гребцы не поленились вытащить ее носом на песок, чтобы пассажирка могла выбраться, не замочив ног. Угрюмый старшой неразборчиво пробурчал, что неплохо было бы расплатиться прямо на месте, и несказанно удивился, когда получил в грязную ладонь золотую монету с узнаваемым монаршим профилем. Однако столь быстрое обретение вожаемой монеты почему-то заставило загребного решить, что с остальными деньгами госпожа путешественница расстанется с такой же легкостью. Вот тут-то его ждало разочарование, сопровождаемое чувствительным ударом сапогом в пах и последовавшим за ним купанием в ледяной воде.

– Кому-то еще нужны деньги? – спросила решительная пассажирка у остальной команды, небрежно вытаскивая из потертых ножен свой меч. – Нет? Это замечательно.

Легкой походкой человека, привыкшего к долгим пешим переходам, женщина пошла вдоль берега в сторону Лорарда, оставшегося в нескольких ги южнее. Толстая коса, едва достававшая до лопаток, задорно подпрыгивала в такт шагов. Сырость и ледяной ветер сделали пальцы рук путницы синеватыми, и она старательно прятала их в складках растянутого свитера крупной деревенской вязки, из тех, что носят рыбаки на северных островах. Толстые штаны пузырились на коленях, не скрывая свой преклонный возраст. Единственными приличными и добротными вещами в облачении женщины были высокие шнурованные ботинки с меховым отворотом и ножны ее меча, украшенные узорными накладками из старинной бронзы.

Едва заметная тропка начиналась там, где возле скал расступались бурые заросли кустов приморской колючки. В самом начале весны, когда на кустах не оставалось ни единого колючего плодика, здесь можно было ходить без опасений серьезно порезаться, а вот осенью эти заросли представляли собой непреодолимое препятствие. Тропинка, в сущности, была настоящим подарком для путешественников, и женщина не поленилась, проходя, обрубить особо отросшие за предыдущий сезон ветки. Говорят, что в старые времена воров иногда казнили, скидывая в заросли приморской колючки. Это считалось лютой казнью, похуже колесования. Тропинку же наверняка прорубили контрабандисты – подлинных хозяева здешних земель, потому что славный город Лорард испокон веков жил контрабандой из Тассельрада и обратно, благо граница пролегла рядом, да мелкой торговлей с поселками, расположенными ниже по реке. Только ленивый не тащил через кордон дешевую шерсть, пеньку и всякую домашнюю мелочь из здешней меди. А уединенный, отгороженный

зарослями пляж прекрасно подходил для легких суденышек с двойным дном, курсировавших туда-сюда через призрачную границу.

Со своим появлением на Ахейских островах весна в этом году тянула до последнего. Бесконечные дожди и туманы никак не давали солнцу прогреть тощую бесплодную землю. Мокрый снег срывался почти до конца алсира. И вдруг нежданно подул теплый ветер, распогодилось, море из свинцово-серого стало веселым и синим, а кустарнички офола мгновенно украсились мелкими сиреневыми цветочками. Над камнями заструились струйки пара, как над шкурой овчарки, зашедшей с дождя к теплому очагу. Хрупкая северная весна пробудила островитян от спячки и хандры. Арамидиль – праздник встречи весны отгорел кострами под камышовыми куклами. С ними сгорало все прошлогоднее зло вместе с болезнями и голодом. С ними сгорела и последняя связующая нить между кераганцами и Джасс. На следующий день она покинула остров. Но прежде тщательно убралась в своем домике, оставив своей возможной преемнице и ткацкий станок, и травы, и посуду, уйдя, как привыкла – налегке, не обременяя себя ничем, кроме лишней смены одежды. До берегов Игергарда пришлось добираться в два приема. Сначала купеческая шикка доставила Джасс на Медные острова, а уж после она напросилась к капитану-пройдохе, на чью тикку охотилась половина игергардских пограничников. Более бандитской команды Джасс видеть не доводилось и в бытность свою подручной Дрэгора Банна.

Все-таки она чересчур засиделась на своих одиноких островах, задавшись однажды целью основательно потеряться среди неласкового холодного моря. Видят боги, она старалась изо всех сил, видят боги, то не ее вина, что ничего из попытки не вышло. Чашка с руной «край» раскололась совсем не зря. Она была только самым первым знаком, которых потом было так много, что и не сосчитать. Снились сны, не желающие забываться, гадальные пластинки ложились причудливым образом, заговоры получались необычные, но, самое главное, приносили ветра. В их прихотливых узорах заклинательница погод читала так же ясно, как начальник тайного сыска читает в зашифрованных донесениях агентов. Ветра говорили: «Беги, ибо ты в опасности! Беги и не оглядывайся! Беги, но не пытайся больше прятаться, это не поможет!»

Джасс и сама прекрасно понимала, что любая уловка срабатывает только один раз, а ее преследователи совсем не дураки. Не дураки и не ротозеи, а как раз наоборот – великие и могучие маги. Только тот, кто ничего не смыслит в волшебстве, может верить, что, стоит ему спрятаться получше, замаскироваться

понадежнее, исчезнуть из поля зрения друзей и врагов, и уже никто и никогда не сможет выйти на его след. Опасное заблуждение, стоившее жизни многим и многим. Этому Джасс научил Хэйбор, а он знал, о чем говорил. Мир слишком похож на полотно, но не плоское, а объемное, и все в нем взаимосвязано так плотно, что даже травинка, выросшая возле дороги, может повлиять на жизнь проехавшего по ней короля. Что же говорить о том, как влияет на окружающий мир существование человека. Никто не знал, куда направлялся Хэйбор, никто в Храгассе не знал его имени, но спустя столько лет его нашли в захолустном, проклятом всеми богами городишке на самом краю мира. Нашли по тем невидимым следам, которые оставляет на лице мироздания каждая жизнь, будь то жизнь мотылька, или реки, или простого человека, или не простого человека. Насчет себя Джасс даже и не обольщалась. Она лишь пыталась увернуться от цепких рук чужой судьбы.

Приморская колючка вымахала выше человеческого роста, и ориентиром для Джасс служила вершина полуразрушенной круглой башни. Даже на первый взгляд история ее могла измеряться двумя-тремя тысячелетиями самое меньшее. Эти покрытые мхом камни помнили еще Темные времена, а возможно, и битвы Четырех Народов. Вблизи древнее сооружение выглядело очень внушительно, а уж если дать разгуляться воображению, то лет эдак пятьсот назад крепость должна была казаться устрашающим монстром. Нижний ряд кладки, глыбы размером с теленка, вросли в землю больше чем наполовину, но стойко сопротивлялись корням вездесущей камнеломки. Сохранилась даже лестница, ведшая когда-то на второй этаж. Джасс спокойно развела у ее южного подножия маленький костерок, заварила пахучую бодрящую траву и с удовольствием набросилась на сушеные яблоки, орехи и сухари. Путешествие по штормовому весеннему морю к улучшению пищеварения не располагало. Последние двое суток Джасс вообще ничего есть не могла.

Прихлебывая терпкий отвар тальфина на сытый желудок, можно было не торопясь подумать, что делать дальше. Плана у Джасс никакого не было. Собственно, план состоял в отсутствии всяческих планов. Только так и можно уходить от магического поиска. Идти куда глаза глядят, подчиняясь только внутреннему наитию и обычным дорожным случайностям. А от башни идти можно было в двух направлениях. Либо к тассельрадской границе и дальше в Биард, либо на юг через Лорард напрямик в Далмар, а там и до Ритагона рукой подать. Почему именно Ритагон? Ответ предельно прост. Оттуда можно было отправиться дальше, вдоль западного побережья, в те земли и страны, где влияние и власть оллавернских магов почти неощутимы.

Определенно, в бродячей жизни есть некая прелесть и очарование, и для того чтобы их в полной мере прочувствовать, необходимо одиночество. Когда над головой летят облака, остро пахнет лежалой листвой и новорожденной травой, рядом встревоженно журчит и пенится ручей, петляющий между голыми еще деревьями, то исподволь забирается в душу предчувствие чего-то особенного, предназначенного только тебе одному. Не нужно быть колдуном, чтобы ощущать каждой порой кожи предвкушение радости, торжества и вечности, которое происходит в бесконечном круговороте жизни, круговороте рождений и смертей, цветения и увядания, воскресений и забвения. Впервые за несколько лет Джасс почувствовала это единение с миром, обычно теряющееся за обыденными и каждодневными заботами леди острова и хозяйки небольшого дома. На Керагане дни пробегали быстро, если она не ткала, то готовила, если не заговаривала амулеты, то ковырялась в крохотном огорожке, а если ни то, ни другое и ни третье, то занималась своими прямыми обязанностями леди – предсказывала погоду. Тут не до единств и таинств.

Джасс неспешно шла вверх по течению ручья и к вечеру добралась до небольшого храма бога Небес. С точки зрения возможного ночлега небогатые провинциальные храмы всегда были предпочтительнее пышных столичных. Тем более что при храмах Арагана редко возводили уютные гостиницы для паломников. Считалось, что ночь, проведенная под открытым небом, благотворно влияет на верующих. Джасс же не испытывала ни малейшего желания спать в продуваемой ветром палатке под храп соседки-паломницы. В провинции нравы всегда проще, а амбиции жриц ниже. Затерянные в глуши служительницы радовались каждому страннику и радушно предоставляли ему стол и кров в родной обители, а у Джасс имелось огромное желание провести ночь в настоящей постели.

Храм к празднику Арамидиля покрасили в веселенький голубой цвет, и он смотрелся, как нарядная игрушка, особенно на фоне старых мрачных мугров с черными, голыми еще, узловатыми ветками. Не зря эльфы называют это дерево «старая вдова». В толстых наростах на коре стволов при изрядной доле воображения можно угадать сморщенные страдальческие лица древних-предревных старух. Десяток жриц хозяйничали на подворье. Половина из них видом и возрастом могла соперничать с муграми, молодость двух тоже давно миновала, и три малолетние девчонки. Охраняло это бабье царство трое пожилых стражников из бывших солдат. Расчеты Джасс относительно гостеприимства жриц оправдались сразу и в полной мере. Для нее истопили баню, залезли в кладовку за остатками меда и сыра, да и потом не поскупились ни на чистые простыни, ни на удобное изголовье.

И наставницы-жрицы из Ятсоуна, и сестры-хатамитки, и даже маргарские контрабандисты полагали, что у Джасс скверный и неуживчивый характер. Отчасти это было правильное мнение, по крайней мере, она даже не пыталась его опровергнуть. Какой прок иметь покладистый нрав, если от него никакой радости? Однако наличие столь скверного характера отнюдь не мешало Джасс проявлять поистине ангельское терпение в нужный ей момент. Выслушать полнокровный, красочный рассказ главной жрицы о преимуществах удобрения розовых кустов куриным пометом и ни разу не зевнуть получалось лишь огромным усилием воли. Джасс даже припомнила кое-что из собственного скромного кераганского опыта, чем окончательно пленила пожилую даму, и в награду ей было великодушно предложено оставаться в храме столько, сколько она, «милая девушка», только пожелает. «Милая девушка» пожелала задержаться всего на пару дней, чтобы, как она выразилась, обрести силы после путешествия. Ничего лишнего придумывать о себе Джасс не стала и с чистой совестью задрыхла, едва коснувшись ухом изголовья. Как подсказывал ей немалый жизненный опыт, любую, даже самую наглую ложь, когда она искусно сплетена с чистой правдой, можно преподнести самому недоверчивому слушателю без боязни разоблачения. Поэтому Джасс решила изложить главной жрице свою, несколько подправленную, историю бегства с Керагана.

Славные добродушные служительницы бога Неба за долгую зиму так соскучились по гостям и новым лицам, что готовы были выслушать любую байку. Скрывать от них свой скромный дар Джасс не смогла бы, даже если бы и хотела, чистосердечно признавшись, что прошла посвящение в ятсоунском храме, тем более что между жречеством Оррвелла и Аррагана никогда не имелось особенных трений. Женщины в Игергарде могли получить образование только при храме, до маргарского вольнодумия в северных королевствах еще не дожили и о женщинах-ученых из университета Майфаа слухом не слыхивали. Бедным жрицам, запертым в маленьком храме, хотелось послушать про Ахейские острова, про тамошние обычаи и нравы островитян. Все они, уроженки окрестных городков и деревушек, никогда ничего дальше Лоларда не видели и даже на вездесущих орков глазели, как на диво. Словом, появление Джасс внесло в их жизнь свежую струю, и путешественниц попросту не хотели отпускать. Так бывшая кераганская ведьма задержалась в храме еще на целое шестидневье, наслаждаясь приятной компанией и на удивление небедной библиотекой. Старушка-жрица собирала богословские свитки, но ее увлечение мало кто разделял, а Джасс сама не ожидала, что так изголодается на своем острове по писаному слову.

Найти временный приют у жриц и ни разу не зайти в сам храм было бы, по меньшей мере, странно. Другое дело, что Джасс совсем не хотелось этого делать. Она, конечно, смиренно отправилась к алтарю Аррагана, но совсем не для того, чтобы молиться. Храм был очень старый, и из-за уединенности его ни разу не перестраивали. Низкий купол прорезало несколько узких наклонных световодов, через которые проникал внутрь свет, образуя колонны, сияющие среди вечного полумрака зала. В богатых храмах на трех ярусах вдоль стен всегда горели свечи и лампы, создавая впечатление, что огоньки света плавают сами по себе в темном пространстве, но в бедном храме едва хватало средств, чтобы по праздникам зажигать масляную лампу возле золотого тора на алтаре. Впрочем, и без всякой подсветки священный тор светился сам по себе прямо-таки завораживающе, навевая сладкое томление. Как всякая жрица, посвященная в силу культа Старых богов, Джасс легко поддавалась «наколенной» магии, которую аккумулировали божественные символы. У Аррагана то был золотой тор, у Оррвелла – черный шар, у Сайлориан – перламутровая раковина, у Двоединого Куммунга – зеркальный диск, а у Яххана – священное древо. Силу тора она ощущала как ровное тепло, в котором не было обжигающей резкости шара или слепящего блеска диска. Но Джасс не любила подолгу находиться в храме без острой необходимости, рядом с алтарем Аррагана все невзгоды казались мелкими, а препятствия преодолимыми, опасное чувство мнимой защищенности убаюкивало, в то время как следовало быть начеку. Джасс не стала обижать жриц и выполнила все предписанные ритуалы, но ей хотелось покинуть святилище побыстрее. Старые боги плели для душ смертных крепкие сети и отпускали своих служителей с большой неохотой, точь-в-точь как престарелые, ревнивые родители – поздних балованных детей. В степи, да и на всем юге люди и орки с большей охотой поклонялись Великой Пестрой Матери, но в ее храмах Джасс никогда не ощущала тяжелого давления божьей десницы. Пестрая Мать, по-видимому, мелочностью и крохоборством не страдала.

От богохульных мыслей Джасс отвлекли резкие голоса и шаги. Она, повинувшись даже не рассудку, а скорее инстинкту, свойственному всякой дикой твари, которая ежечасно рискует стать добычей, змеей скользнула в неприметную полость под алтарем за два мгновения до того, как дверь резко распахнулась. «Шестеро мужчин и старшая жрица, – определила по шагам Джасс. – Причем двое – это храмовые стражники».

– Наверное, паломница уже ушла, благородные господа, – тихо молвила жрица, и старческий ее голосок не дрогнул.

– Откуда она явилась? – резко спросил один из пришельцев. Акцент у него был мягкий, еле уловимый для тренированного уха.

– Из леса, господин мой.

– Значит, вы не видели молодую женщину с короткой темной косой и мечом?

Этот голос казался ласковым, как у доброго дядюшки, но акцент тоже присутствовал. Джасс затаила дыхание от напряжения, хотя, судя по всему, старушка-жрица не собиралась ее выдавать. Но даже будь среди непрощенных гостей маг, он все равно не различил бы слабую ауру Джасс на фоне магии алтаря.

– Возможно, искомая вами девушка переделалась, – осторожно предположила жрица. – Тут в округе все женщины, как правило, темноволосы. Мы не стали расспрашивать паломницу, это не принято.

– А что у вас принято, леди? – ядовито поинтересовался первый из говоривших. Остальные бродили по храму, пытаясь высмотреть что-то в крошечной темноте.

– У нас принято накормить гостя, проводить в храм, а если потребуется, то и помолиться вместе с паломником, – невозмутимо ответила старушка. Вот уж кого тяжело было сбить с толку или, того пуще, смутить грозным тоном. – Вам стоит отправиться в Лолард, сударь мой. По моему скромному разумению, если ваша беглянка пожелала затеряться, то проще всего сотворить сие в большом городе.

Пришелец презрительно фыркнул, обозначая тем самым отношение к мнению жрицы и к величине города Лоларда.

– Ладно, я прошу прощения за беспокойство. Вот вам в качестве пожертвования.

Джасс не удержалась от улыбки. Арраган любил дорогие подношения вроде золота, бирюзы, позолоченных стрел и фигурок птиц. Незваному гостю, видимо, пришлось раскошелиться на целую золотую монету, до того горестным вышел его вздох, сопровождавший пожертвование.

– Спасибо, благородный господин, – разлилась в благодарности жрица. – Да будет благословен ваш род, вся ваша семья и весь прекрасный Яттмур.

Яттмур? Теперь настал черед Джасс прийти в недоумение. Кого угодно ожидала она обнаружить за своей спиной, но только не яттмурцев. Им-то что нужно? Теперь понятно, откуда этот мягкий акцент. Давненько она не слышала, как говорят уроженцы южной части долины Яттса, потому и не признала сразу. Бывшая кераганская заклинательница не торопилась покинуть свое убежище, тем более что было о чем поразмыслить. Ей эти яттмурцы очень не понравились. С них все началось, вернее, не со всех сразу, а с одной маленькой девочки, носившей имя Джасслин, малолетней послушницы в Ятсоунском храме Оррвелла...

Ни жрицы, ни стражники не предали своей странной гостьи, не устранившись угроз, не искусившись заманчивыми посулами, что несказанно Джасс растрогало и поразило. Очень давно люди не демонстрировали ей свои наилучшие черты.

– То были люди яттмурской королевы Тианды, – пояснила главная жрица. – По всем приметам, тебя искали, девочка. Все точно описали, и глаза, и волосы, и даже ножны твоего меча обрисовали в точности. Откуда только дознались?

«От оллавернских магистров, от кого ж еще», – раздраженно подумала Джасс. Ее неподдельное изумление визитом яттмурцев не укрылось от жриц, и те наперебой жалели бедняжку, попавшую в такую неприятную историю. Ничего хорошего от десятка вооруженных до зубов преследователей они не ожидали, прекрасно понимая, что пока в верхах разберутся, что к чему, женщину ждет позорный плен или насилие. В том, что эти поиски вызваны неким недоразумением, никто не сомневался. Джасс тоже хотелось сослаться на нелепую ошибку, но в ее жизни случилась только одна ошибка, которая исчерпала все грядущие ошибки на несколько перерождений вперед.

– Теперь тебе в Лорард дорога заказана, – резонно заметила жрица. – Я бы на твоём месте отправилась напрямиком в Ритагон. Город большой, народу много, и людей и нелюдей, как-нибудь затеряешься.

Старушка дала весьма дельный совет, сама того не подозревая. Ритагон не зря называли северной столицей Игергарда, второй по величине город королевства кое в чем затмевал Орфиранг, а герцоги Лейнсрудские, его исконные

властители, были богаче самого короля. Люди и нелюди жили там бок о бок уже не одно столетие, и город не зря считался самым космополитичным на континенте. Там всегда находилось место и для тангарских кварталов, и для своеобразных особняков эльфов, и для шумных оркских рынков, и ни разу за всю историю не было погромов. У Ритагона имелся один только минус в глазах Джасс. Там вполне мог находиться Ириен. Эльф любил этот город, даже когда-то купил там дом. И ничто не мешало ему жить сейчас на уютной улочке в Нижнем городе. И сколь бы велика ни казалась столица Лейнсрудского герцогства, но Джасс не стала бы ручаться головой, что они с эльфом обязательно разминутся. Вернее, она не могла дать себе никакой гарантии, что многократно разыгрываемая в воображении сцена встречи не обернется катастрофой для них обоих.

Джасс сердечно попрощалась со жрицами и под дружный рев малолетней части послушниц исчезла в подлеске, сияющем яркой свежей листвой. Она не поленилась переодеться в поношенное платье из коричневой немаркой шерсти, прикрыла голову домотканым покрывалом, а меч спрятала под широким плащом. И когда она попросилась присоединиться к маленькому каравану крестьянских телег, на нее никто лишний раз не посмотрел. Простая одежда бедной горожанки сделала ее почти невидимкой. Все равно волшебного дара Джасс не хватало для настоящего отвода глаз. Что для любой приличной магички азы, то для нее недостижимые высоты. Зато Джасс умела быть неприметной, обычной и неинтересной. Мимо проезжали благородные господа на горячих скакунах, среди которых могли быть и яттмурские следователи, и агенты оллавернских магистров, да кто угодно, но никто и головы не повернул в сторону простолюдинки с опущенными глазами. Никому не было дела до низшего существа, недостойного ничьего внимания.

Последняя война в итоге своем отразилась на жизни всего севера только положительно. Хальдар Игергардский всерьез занялся лесным ворьем, прибрав под тяжелую длань закона самые отдаленные провинции своей страны. Об этом Джасс узнала, пока путешествовала с обозом хлеботорговцев. С разбойниками и душегубами королевские шерифы особенно не церемонились, не скупясь на крепкие веревки и высокие виселицы. Еще пару лет назад каждый королевский тракт был по обе стороны увешан разлагающимися телами любителей чужих кошельков и добра. Хальдар столь же решительно расправился с мародерами и дезертирами, этим вечным проклятьем каждой войны. Их упорно сажали на кол до тех пор, пока не кончились все любители опробовать на мирном населении

методы военных лет. Одновременно увеличились налоги, но простые горожане, крестьяне и купцы были готовы мириться с таким неизбежным злом взамен на безопасность проселочных дорог и улиц городов.

Обоз двигался медленно, колеса телег подпрыгивали на ухабах, и это мерное покачивание, монотонный гул голосов да бесконечный мелкий дождик настраивали все мысли на размеренный лад, когда одна ленивая мысль цепляется за другую, не менее ленивую и так далее, пока разум не скатывается в дрему. Но это даже к лучшему, ибо ничто не выдает так беглеца, как его страх. Страх сочится из всех пор, как пот в жаркий день, и для мало-мальски опытного мага он так же отчетлив, как кровавый след раненого оленя для стаи волков.

В природе все находится в гармонии, у волчицы рождается волчонок, из воробьиного яйца проклюнется воробей, а от пчелы произойдет только пчела. Хищник порождает мясоеда, а дичь знает о своем предназначении еще в материнской утробе. Но люди все переиначили, все поломали, вот и живут в мире, готовом в одночасье стать вверх тормашками. Только в их роду хищник может обернуться добычей, и наоборот. Вот ты крадешься по теплым следам, и хлоп – в спину уже воткнулись острые клыки. Познавшая в Хатами сладость охоты и вседозволенность сильного, Джасс однажды и сама обнаружила, что теперь настал ее черед бежать и прятаться. Кто хоть раз испытал, каково быть дичью, гонимой и нещадно преследуемой жертвой, тот никогда не забудет тонкий зуд под кожей, появляющийся от чужого взгляда, брошенного как бы невзначай. И тогда глаз начинает замечать самые неприметные мелочи, детальки, намеки, знаменующие собой стягивающийся круг преследования. Магистр Хэйбор не зря вложил в головку своей последней ученицы не столько умение обращаться с мечом, сколько дар ощущать невидимые признаки опасности, почти предугадывая события ближайшего будущего, словно заранее знал, что именно эти умения пригодятся в наибольшей степени. И, конечно, сделал он это совсем не из любви. Нет, Хэйбор никогда не любил ее ни как дочь, ни как женщину, сколько ни старалась Джасс себя убеждать в обратном в наивные годы юности. Приятно, разумеется, думать что чародей-воин встретил на морском берегу вместо чудовища юную деву и отдал ей свое суровое, гордое сердце. Ха-ха-ха. К моменту их встречи Хэйбор прожил лет двести, а для людей подобное долголетие является роковым. Любовь и привязанности теряют власть над таким человеком, особенно если столько лет он посвятил служению и долгу. В отличие от настоящих долгожителей – эльфов, все людские маги, продлевая свою жизнь заклинаниями, рано или поздно превращаются в существ с очень холодной кровью, стальными нервами и рассудком, способным точно вычислить выгоду из собственной смерти. По большому счету, ее всемогущий учитель был

столь же добр, сколь добры камни мостовой, и милосерден, как луна Шерегеш. Джасс подозревала, что, воспитывая ее, Хэйбор преследовал какие-то далеко идущие цели, ей совершенно непонятные. Возможно, она сама по себе являлась живой его насмешкой над всеми магистрами Оллаверна, говорящим доказательством его правоты в давнем споре с Хозяином Сфер. Этого уже никто не узнает. Но Джасс на него не обижалась, вернее сказать, уже не обижалась. Как ни верти, а лишь благодаря его выучке она до сих пор оставалась жива.

Ощущение опасности разорвало дремоту Джасс, взрезав сон, как нож старое полотно, заставив мгновенно насторожиться и сосредоточиться на невидимых глазу потоках чужой силы, текущих вдоль лесной дороги. Впереди, судя по разговорам в обозе, имелся небольшой придорожный трактир, и там определенно была засада. Но организовавший ее маг не слишком заботился о секретности. Подобно струйкам теплого дыма струились над землей тончайшие сплетения заклинаний, и, даже едва различая их силу, Джасс просто задохнулась от зависти и бессильного гнева. Она почувствовала себя мелкой беззащитной тварюшкой вроде зайчика.

«Весьма точное сравнение, – с горечью подумала она. – У зайца и уши большие, чтобы слышать каждый шорох, и ноги сильные, чтобы быстро бегать, и расцветки он подходящей, чтоб не заметили, а толку? Без острых зубов он обречен рано или поздно стать обедом для лисы. Нет, ну почему она в самом деле не такая всемогущая, какой представляется великим магистрам из Оллаверна?»

Джасс в такие моменты истово молилась сущим богам, Создателю и демонам всех девяти ледяных преисподней, чтобы души леди Моры и леди Чиколы были наказаны вечными муками на дне самого глубокого из Нижних миров. Потому что, если это не так, то тогда нет в мироздании справедливости, и не было никогда, и не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. Приложение.

Купить: https://tellnovel.com/astahova_lyudmila/prigorshnya-vechnosti

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)